

АЛЕКСАНДР
ПРОЗОРОВ

ВАТАГА

крестовый
поход

Александр Дмитриевич Прозоров
Крестовый поход
Серия «Ватага», книга 4

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5809929
Прозоров А. Д. Крестовый поход : Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-64733-0

Аннотация

Не было в Средневековье государства мощнее Литвы. Вступив в унию с Польшей, принудив к союзу Молдавию, каждый год оно прирастало новыми землями на юге, востоке и севере. Ватага атамана Заозерского была пылинкой в сравнении с ним. Однако наш современник Егор Вожников, волею случая оказавшийся в средневековой Руси, уже успел допустить ошибку, заточив дочь Витовта в монастырь. Теперь великий князь Литовский и Русский горит желанием ему отомстить. Помочь Егору в этом противостоянии могут только горстка алмазов и подаренная купцу Михайле Острожцу в далеких краях индийская девушка Манджуша...

Содержание

Ярлык	4
Оружейная ювелирка	16
Дикари...	19
Пьяный поход	28
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Прозоров

Крестовый поход

Ярлык

Октябрь в Заволочье выдался дождливым. Почти три недели кряду небо плакало над сосновыми борами и осиновыми рощами, над озерами и топами, превращая дороги в ручьи, ручьи – в реки, а засеянные озимыми поля – в жидкое месиво. С тесовых крыш княжьего городка постоянно хлестали настоящие водопады, стекая вдоль стен к воротам, угрожая подтопить склады и изрезать двор глубокими оврагами.

Впрочем, теперь столицу Заозерского княжества можно было смело называть не «городком», а настоящим городом. Несколько тысяч воинов, вернувшихся из похода с полными карманами серебра, не спешили расходиться от удачливого воеводы, осев по окрестным постоянным дворам, домам и даже баням и весело прогуливая добычу в кабаках и трактирах. Дожди загнали храбрых вояк под крыши, и питейные заведения буквально трещали от набившихся в них гостей.

Как обычно и бывает, к серебру быстро подтянулись купцы, доставляя на ходкое место вина, пиво и угощения, привозя плотников и печников, дабы побыстрее сладить новые постоянные дворы, забирая из прежних домов своих стряпух и поваров, слуг, которым тоже нужно было что-то есть и где-то жить... Одно цепляло другое, и до самой распутицы Заозерск пух, словно на дрожжах, что ни день обрастая новыми улицами. Еще год-два такой жизни – Новгород размерами превзойдет. А то и Москву.

Княгиня Елена от подобного преображения родового гнезда наливалась гордостью. Теперь она строила планы возведения каменного храма, выравнивания и мощения набережной, основания монастыря и расширения крепости – иначе свой старый дом она более и не называла. Может статься, уже и размыслов бы созвала, наказы по переделке раздала... Но – дожди, дожди... Ни гонцов послать, ни строителей привезти, ни даже просто самим выйти, на месте улицы посмотреть – где что возводить, а где сносить надобно.

Посему и нынче после обеда, проведав сына и проследив, насколько ласково обращается с ним кормилица, Елена отложила великие планы перестройки на потом и занялась разборкой доставленных из Орды сундуков с подарками, отчетами, доносами, грамотами, просьбами и прочей канцелярщиной. Разбирала, разумеется, по-княжески: восседа в кресле в роскошном платье из зеленого бархата, сверкающем из-за рассыпанных по груди и рукам самоцветов, с трехъярусным золотым колье на шее, в украшенном жемчугами кокошнике и со спадающей с него серебристой понизью. Перед госпожой в пяти шагах, аккуратно в центре плотного и мягкого татарского ковра, стоял открытый сундук.

Милана доставала из сундука очередной свиток, разворачивала и подносила к хозяйке. Незнакомый Егору паренек из дворни услужливо освещал бумагу, поднося к ней трехрожковый подсвечник с ароматными маканными свечами¹. Княгиня пробежала глазами по строчкам и, небрежно щелкнув пальцами, командовала:

– В мусор! Отписка боярская о расходах на постой. И эту в мусор. Отписка о переходе пяти сотен казанских от арыка к арыку. Это уж и вовсе ни о чем! Копыто обоз с осемью телегами привел, Нестор лады на Ахтубу передвинул, три сотни на ушкуях в Хаджи-Таркан

¹ Такие свечи получались путем многократного макания фитиля в расплав воска с промежуточной сушкой. Свечи при этом получались гладкими и ровными. Если макать заготовку в расплавы разного цвета – то еще и декоративными. (Здесь и далее – примечания автора.)

за хлебом ушли, наряд семи пищалей Кривоzubу отправлен... Нечто они о каждом шаге тебе отписывались, любый?

– Пока в отъезде был, Никита Кривонос записывал, дабы не забыть, – сказал от окна князь Заозерский, по-прежнему охотно отзывающийся на имя Егор. Фамилию же свою – Вожников – он не слышал уже настолько давно, что начал потихоньку забывать. – Зачем тебе это бумагомарательство, Аленушка моя желанная?

Знаменитый атаман ушкуйников был наряжен в попугайской расцветки ферязь, подбитую соболями. Малинового цвета, с синими и зелеными шелковыми заплатами², да еще поверх оранжевых шаровар, заправленных в красные сапоги! Дома, в далеком двадцать первом веке, он не надел бы такой ужас даже под угрозой расстрела. А вот здесь пришлось. Елена, подарившая ему сына, так долго ждала его из похода, так хотела порадовать подарком... Разве откажешь? Мода зла.

– Коли не желаешь обманутым оказаться, Егорушка, за всеми делами личный пригляд надобен, – с ласковой снисходительностью ответила женщина и снова щелкнула пальцами, оценив очередную записку: – В мусор!

– Милая, да брось ты это! – Через два слоя слюды очертания двора угадывались с большим трудом, и Егор отвернулся, подошел к супруге, снял с подлокотника ее руку, поцеловал: – Пойдем лучше, отдохнем. Тебе после родов лежать больше нужно. Как бы не приболела. Поручи дворне, пусть рассортирует. С Айгиль, новой ханшей ордынской, у меня договор есть, а все остальное – мелочи.

– Кто такой синьор Амедео Феруччи, княже?

– Купец венецианский, – прищурился Егор, вспоминая сутулого итальянца с тощими ногами, затянутыми в коричневые штаны-чулки. – Мы с ним по пьянке сговорились маршрутные omnibusы по Сараю пустить. Оборотистый мужик, всего за месяц все устроил.

– Пустить что? – не поняла княгиня.

– Ездят повозки по улицам из одного конца города в другой, – пояснил Егор. – Кому пешком идти лень, в них садятся, до нужного места едут и там спрыгивают. За денежку, естественно.

– Согласия просит синьор прибыль полученную в новые повозки вложить.

– Так пускай, – пожал плечами князь.

– А ты молвишь – дворне поручить! – мягко укорила супруга Елена и распорядилась: – К подставке письменной отнеси, Милана. Вечером отпишу. И без того, мыслю, фряг ответа заждался. Чего там дальше?

Вожников понял, что в ближайшие часы остаться с женой наедине у него не получится, и побрел обратно к окну. Больше всего ему сейчас хотелось скинуть этот дурацкий наряд, влезть в свою любимую вощеную кожаную куртку, подаренную поморами – легкую, непромокаемую, теплую, – да забуриться в какой-нибудь кабак, к ватажникам. Выпить пива, побороться на руках, вспомнить удачный поход. А то соскучился, понимаешь, по любимой... Поцеловать, и то не получается!

– В мусор!.. В мусор!.. В мусор!.. – методично продолжала сортировать походный архив княгиня. – О, челобитная. Бей Урум челом тебе бьет, просит дозволения с родом своим к тебе под руку отъехать. Чем-то ханом своим недоволен. То ли пастбища его кому-то отдали, то ли колодцы... Видишь, Егорушка, ныне уже не в Литву ордынцы просят, и даже не в Москву. Тебя выше прочих князей ставят.

– Не помню такого, – вновь пожал плечами князь.

² Ферязь – одежда, больше всего похожая на короткое пальто без воротника, а иногда – и без рукавов. Заплаты – вид украшения, называвшегося вошвами. Вошвы вырезались из более дорогой и яркой ткани, нежели основная, и пришивались туда, где «красиво».

– И что из того? Нечто тебе полтора сабеля лишними будут? Али это он всех домо-чадцев счел? С детьми и бабами? А, все едино. Людишки лишними не бывают. Милана, к подставке отнеси!

Егор вздохнул, прикидывая, чем бы таким полезным заняться. Он, конечно, обещал сегодня утром утонувшей в подушках Елене не оставлять ее больше в одиночестве ни на минуту. Но предполагал-то он совсем другое общение с супругой. Не чтение пыльных походных грамот, а кое-что более интересное и полезное для продления рода. Стоять же перед окном он вполне мог и в другой компании.

– В мусор... В мусор... В мусор...

От воспоминания, что в погребке стоят несколько бочонков с хмельным медом, рот у Егора наполнился слюной. Шипучий, сладкий, пахнущий летом, пчелами, лугами и цветами, затекающий в горло прохладными шипучими пузырьками, наполняющий сытостью и бодростью. И тащиться под дождем никуда...

– А-а-а!

Отчаянный крик жены заставил его сорваться с места. Егор кинулся к княгине, схватил за плечи, прижал к себе:

– Что с тобой? Что с тобой, милая? Тебе плохо? Что-то болит?

– Ярлык! – Елена, казалось, даже не заметила, что ее тискают сильные руки мужа. Округлив глаза, она тыкала тонким белым пальцем в развернутую дворовой девкой грамоту. – Ярлык! Ярлык хана Темюра тебе на княжение! На все Галицкое княжество! Тебе! От хана! Ярлык! Откуда?!

– А пес его знает. Не помню. Ты как? Ты почему кричала? Живот болит?

– Как можно не знать про ханский ярлык, Егор? – повысив голос, аж привстала со своего кресла Елена. – Как можно не помнить про ордынский ярлык?!

Вожников причин волнения жены совершенно не понимал. Когда он общался с реконструкторами, то слышал от них побасенку, будто русские князья, получив в руки ордынский ярлык на владение уделом, шли с ним в сортир и демонстративно подтирались рыхлой бумажкой. И именно поэтому ни единого ярлыка, дарованного Ордой русским князьям, не сохранилось. Тогда Вожников не очень поверил услышанному и даже попытался проверить все через Интернет. Однако на разных исторических сайтах анекдотец повторялся практически полностью, окультуренный лишь тем уточнением, что ярлыки благородно сжигали.

Более глубокие поиски вывели Егора на версию о том, что в шестнадцатом веке группой историков был составлен разветвленный заговор с целью сокрытия факта существования Ига, и во всех архивах России и Европы княжеские ярлыки и всякие упоминания о них были уничтожены, а для пущей путаницы оставлены ярлыки митрополитов и князей литовских.

Подобной бредятины его мозг не вынес, и больше Вожников этим вопросом не интересовался. Но отношение к «туалетным бумажкам» у него сохранилось снисходительное.

– Какая разница, откуда он взялся? – сказал Егор. – Я этого Темюр-хана чуть не собственными руками там, в Орде, шлепнул. Так что цена этой писульке – что прошлогоднему снегу. Выбросить и забыть.

– Егор!!! – в отчаянии схватилась за голову княгиня. – Да как же ты не понимаешь?! Этой писулькой законный правитель Орды, чингизид по крови и званию, признает тебя законным властителем земель верхневолжских! Он признает тебя князем! Теперь все, ты – князь! Пусть даже грамоту сию он бы тебе на дыбе подписал – все едино она тебя вровень с прочими родами княжескими ставит!

– Любой указ только тогда силу имеет, когда за ним мечи ратников блестят и копыта конницы покачиваются, – наставительно произнес Вожников. – Все остальное – треп пустой.

– Ой ли, супруг мой любимый? – крепко взяла его за руку Елена. – А скажи мне, Егорушка, у кого сила была в Орде Заволжской, когда ты туда летом приплыл? У Едигея старого али хана Булата юного?

– Знамо, у Едигея. Булат-то чистой марионеткой на троне сидел.

– Коли сила у Едигея, отчего не сам он правил, а Булата ханом признавал?

– Так ведь Булат чингизид, а Едигей просто эмир. По законам татарским только чингизиды право повелевать имеют.

– Повтори, милый, я не расслышала, – ласково попросила Елена.

– Едигей не принадлежал к роду чингизидов... – Молодой человек запнулся, наконец-то поняв, что имела в виду его жена.

– Вот видишь, Егорушка... Выходит, не токмо сила важна в делах княжеских. Помимо меча, надобно и закон на стороне своей иметь. Иначе владений не удержать. У тебя отнять не смогут – у сына заберут. Сын выстоит – внука безродностью попрекнут. Коли закона и обычая за тобой нет, то рано или поздно, но княжество все едино рухнет. И по нашей вине потомки наши по миру нищими пойдут.

– Так, коли соседи сильнее окажутся, они все едино все отберут.

– Ты, любимый мой, прямо как не от мира сего... – Елена перехватила его ладонь обеими руками, ласково погладила, смягчая слова. – Вот, допустим, князем ты стал самоназванным. Выкроил себе мечом державу, боярам уделы роздал, правишь. И вроде все тебе хорошо. Поскольку словом своим ты их землей наградил, то и держаться за тебя они станут крепко, ибо без тебя ее потеряют. После смерти твоей они потому же и сына нашего признают, ибо никто другой за ними вотчин признавать не станет. Однако же, Егор, коли кто из бояр сих в державу другую отъедет, его никто и на порог не пустит, на службу не призовет, за один стол с ним не сядет. Ибо, скажут, какой из тебя боярин? Вор твой хозяин, животина безродная. И все его награды – тоже воровские.

– А если боярин тот... – сжал кулак Вожников, но жена подняла палец:

– Подожди, это еще не все. Судьба переменчива, власть в княжестве когда-нибудь в иные руки перейти может. Мало ли, род прервется, али еще что? Новый правитель первым делом что скажет? Скажет он: на что мне бояре воровские? С такими слугами меня самого уважать никто не станет. И земли все эти крадены, на них прежние хозяева могут права свои предъявить. Зачем мне лишние ссоры и раздоры? Не проще ли родам древним и известным эти уделы раздать? У воровского рода прав нет, у них отчины отнимать не грешно. И бояре все то понимают, задумываются. Ведь жизнь коротка. Во первую голову не о себе, о детях думать надобно. На что им слава воровских удельщиков? Вот потому-то, любимый мой, к тебе никто из бояр в войско и не идет. Токмо те, кого князи посылают. Не тебе они – своим господам служат.

– Ну, положим, ватага моя покрепче любой здешней армии будет! – обиделся за своих соратников Егор.

– Ватажники твои, милый, ничем к тебе не привязаны. Захотели – приказа послушались. Захотели – спать легли. Сегодня позвал – придут. Завтра – могут и полениться. Ватажник от боярина тем отличается, что серебришко свое получил – и все, вольный человек. Можешь больше и не увидеть. А боярин при тебе на земле сидит, никуда не денется. Приказа не исполнит – без вотчины останется. И потому, княже, бояре в поход завсегда выйдут. И когда хотят, и когда не очень. И когда добыча будет, и когда без нее животы класть приходится. А ватажников твоих поди кликни на смерть славную, от которой прибýtка никакого не ожидается. Токмо на смех поднимут, и хорошо, коли в спину не плюнут, когда с пустыми руками уйдешь.

– Подожди! – вспомнил Егор. – Сама только что челобитную читала, что бей какой-то ко мне под руку просится!

– Вот потому и просится, – перехватив из Миланиных рук, вскинула свиток княгиня, – что ты больше не воровской атаман! Признанный чингизид, законный хан Орды князем тебя признал и уделом наградил. А коли чингизид тебя князем признает – то все, ты этот самый князь и есть. Имеешь право владеть, править, награждать, раздавать земли и вотчины. И теперь, если даже через сто лет или пять столетий, или даже пятьдесят веков кто-то посмеет оспорить полученную от тебя, Егор, или потомка твоего награду, то всегда, в любой из дней люди смогут войти в архив наш, открыть сундуки пыльные, достать грамоту эту и убедиться, что род чингизидов за тобой права и звание княжеское признает, и оттого никто в родовитости князей Заозерских сомневаться не смеет! Пуще зеницы ока ярлык этот беречь надобно. Ибо в нем все будущее наше и детей наших.

– Подожди... – Из лекции Елены Вожников выхватил самую главную мысль: – Ты хочешь сказать, что теперь я имею право награждать своих ватажников боярскими вотчинами?

– Теперь никто из бояр не посмеет отрицать твое право награждать землей любого, кого ты пожелаешь, – поправила его княгиня. – Даровать служивое достоинство каждому, кому захочешь. Да и сами они теперь от такого подарка не откажутся, поверь моему слову. Землица, она ведь лишней не бывает. Младших сыновей много. В воровской шайке буянtimer они, знамо, побрезгуют. Но вот князю под руку встать не откажутся.

– Ага... – задумчиво ухватил себя пальцами за губу Вожников. Перед ним внезапно замаячила возможность избавиться от вечной головной боли: непостоянства настроения ватажников. Ребята они все, конечно, славные. Но вот насчет повадок ушкуйников Елена была права. Без серебра – пальцем не шевельнут. И о дисциплине никогда и слыхом не слыхивали. В любой момент могут и меж собой сцепиться, и домой повернуть, и нового атамана выкрикнуть. Вольница – что возьмешь?

Княгиня снова развернула и перечитала ярлык:

– Надо бы у кирилловского игумена несколько списков заказать. И пусть словом и печатью своей заверит. Не дай Бог, случится что! Второго такого уж не получить.

– Кажется, я догадался, кого о сем спросить нужно. – Князь забрал у слуги подсвечник и приказал: – Бегом в людскую, Горшеню покличь! А коли нет, то найди!

Паренек помчался выполнять приказ, Егор же спросил у жены:

– Милая, а князь законно награждать может только теми землями, которые в ярлыке указаны?

– Коли князь границы удела своего раздвигает, в том ничего зазорного нет, – улыbnулась Елена. – Тем паче, что в Галицком княжестве все земли давно поделены. Тамошние бояре верными слугами не станут, коли у них вотчины начнут отбирать. Вот токмо князь Юрий Дмитриевич княжества своего так просто не отдаст.

– А как же ярлык? – ткнул пальцем в свиток Вожников.

– Без мечей и копий он всего лишь бумажка, – опустила свиток Елена.

– На колу мочало, начинай сначала, – рассмеялся князь. – И зачем он тогда нужен?

– Без ярлыка – разбой, а с ним – законное требование.

– Кругом крючкотворы! – вздохнул Егор. – В какой век ни глянь, везде одно и то же. И здесь то же самое.

– Звал, князь-батюшка? – прямо в дверях склонился в поклоне Горшеня.

– Иди сюда, – поманил его пальцем Вожников. – Остальные свободны. Милана, проследи, чтобы под дверью никто не подслушивал.

– Сделаю, княже, – кивнула дворовая девка и махнула рукой на сунувшегося было в горницу паренька: – Ступай отсель, Ушкарь. Опосля доложишься.

Служанку жены Егор помнил как бабу преданную и исполнительную, а потому уже спокойно поинтересовался у просто одетого мужика:

– Ну-ка, вспоминай. Ничего странного не случилось, пока ты меня в Орде подменял?

Сегодня никто не узнал бы в сгорбленном, бородатом и лохматом простолюдине широкоплечего и гладколицего князя с крепкими руками и горящим взором – но на то и расчет. Коли нужда возникнет – волосы сбрить недолго, одежду поменять, плечи развернуть... Никто и не догадается, что на выезд парадный, в ряды торговые али на пир шумный не сам правитель, а слуга его отправился. Егор же, пока его в одном месте видят, совсем в другом может дела важные незаметно устраивать. В последний раз почти месяц по Тавриде «партизанил», пока его в Орде числили.

– Не гневайся, княже, – покосившись на дверь, выпрямился тайный двойник. – В Орде, что ни день, всякие странности творились. Всех не упомнишь. Молви понятнее, о чем скачивать?

– Ярлыка какого Темюр-хан тебе не писал? – резко спросила княгиня Заозерская, положив свиток на колени и хищно наклонившись вперед.

– Соль-Галицкую обещал, когда уговаривал ватажников твоих, княже, супротив Едигея, эмира своего, в сечу бросить. Вином поил, набегам татарскими страшал, – неуверенно запустил пальцы в черную бороду Горшения и слегка ее подергал. – Я без тебя не знал, княже, что сказывать. Темюр же, вестимо, одной рукой ярлык писал, другой же душегубство готовил. Подорвал меня, басурманин, вместе с грамотой. Прямо во дворе постоялом и подорвал. Как жив остался, и не помню.

– Горшения! – от восторга сжала кулаки княгиня. – Ты... Да я тебя...

– Дарю тебе шубу со своего плеча, – первым нашелся Егор и широким жестом сдернул с плеч ненавистное, но драгоценное одеяние, накинул ферязь слуге на плечи. – Молодец! Я тебя еще и не так награжу. Достоин! Ныне же к семье ступай, отдохни. Вижу, ты един из всей дружины трезвым ходишь.

– Да как бы не сболтнуть лишнего спьяну-то, княже, – вроде даже повинился слуга, поправляя на себе дорогой подарок.

– Я так и понял. Иди.

– Благодарствую за милость, княже. – Горшения низко поклонился и упятился за дверь, снова съежившись и сгорбившись.

– Ой! – дернулся Егор. – Я же ему твой подарок отдал, Леночка моя. Прости меня, дурака, совсем из головы вылетело.

– Ничего, мой князь, – с нежностью, двумя руками, опять подняла перед собой грамоту княгиня. – Он был достоин. Был бы при мне кошель с золотом, тоже одарила бы, не колеблясь. Заслужил.

– Подожди, – спохватился Вожников. – Я ведь на ордынский трон Айгиль посадил, жену хана Керимбердея. Она не то что не чингизидка, она вообще женщина! И ничего, приняли. Эмиры и мурзы тамошние служили ей и не мяукали.

– Хан Керимбердей чингизид, от него у жены право на власть, – спокойно пояснила Елена. – Ее право суть отблеск родовитости хана, упавший на нее благодаря замужеству. И еще неведомо, сможет ли она на этом троне усидеть. Но нам сия слабость токмо на руку. Мыслью, без твоей поддержки ей будет не удержаться. Твоим именем возможных бунтарей-смутьянов пугать станет, твоим могуществом собственных подданных осаживать, дружкой с тобой свою силу возвеличивать. И потому ей придется быть нам послушной союзницей, а не опасным соперником. Ты без нее с любой бедой справишься легко, она без тебя уже к осени падет.

– В Крыму без меня справлялась...

Продолжить свою мысль помешала Милана – громко постучалась в дверь и тут же заглянула:

– Тут купец верный к тебе просится, княже. Михайло Острожец который. Дозволишь пустить?

– Конечно, пускай! – Егор разом забыл о политическом хитроплетстве. – Дозволяю немедленно!

Служанка отошла в сторону, и в горницу уверенно шагнул кряжистый и большерукий новгородец во влажном синем кафтане, подбитом рысью, и в рысьей же шапке. От него пахло дымом походных костров, рыбой, дождем и дегтем, лицо было темным от загара, борода же и усы, наоборот, выцвели от яркого южного солнца.

– Ну, наконец-то! Рад видеть, друже! – Вожников крепко обнял гостя, похлопал его по спине, отступил: – Ну, рассказывай! Где был, чего видел?

– Откуда ты здесь, Михайло? – поинтересовалась княгиня, повернув к купцу голову. Ярлык из ее рук куда-то исчез. Спрятала. – Распутица ведь ныне, все дороги непроезжие.

– Что мне дороги, матушка? – низко поклонился ей новгородец. – Для ладей дороги завсегда гладкие, пока дедушка Мороз их в камень не обратит.

– Откуда же ты на ладье сюда пришел? – вскинула брови Елена. – Нечто волоком Ухтомским? Так он вроде как закрыт уже. Какой безумец на зиму гляючи в моря северные пойдет? Не ровен час средь лесов корабль льдами прихватит. До нас же на Вожу проще посуху двадцать верст проехать, нежели корабль волочить.

– Я, княгинюшка, от Онеги по реке поднялся, – склонил голову Острожец и громко хлопнул в ладони. – С гостинцами...

В горницу заскочили двое мальчишек, одетых в нарядные синие зипуны, отороченные зайцем, и следом за ними буквально всплыла завернутая в легкий бежевый ситец, обсыпанный какими-то блестками, чуть смуглая красotka с серьгой в правой ноздре, с черными густыми бровями и такими же угольно-глянцевыми волосами, зачесанными под платок. Длинные ресницы пушистыми веерами обрамляли распахнутые синие глаза, талию стягивала позолоченная цепочка, ноги же были босыми. Но чистыми – похоже, разулась она все-таки у порога, по улице так не шла.

Девушка, мгновенно приковавшая взоры всех присутствующих, держала в руках расписную деревянную шкатулку солидных размеров – почти локоть в длину, немногим меньше в ширину, – покрытую золотой росписью по синему фону и с окованными уголками. Натуральный сейф. Мальчишки выставляли перед собой бархатные свертки.

– Филька! – скомандовал купец, и один из них выступил вперед, развернул лоскут. Острожец извлек из складок тряпицы продолговатый лоток целиком из слоновой кости, с костяной же резной крышечкой, с поклоном протянул Елене: – Прими, хозяйюшка, подарок из земель заморских. Благовония сие разные. Коли шарик любой к углям кинуть, ароматами небесными светлица враз наполнится. Сказывают мудрецы индийские, иные запахи разум острее делают, иные чувства отворяют, иные расслабляют, дабы отдыхалось легко после трудов праведных, иные разум мутят, ровно вино, иные веселье вызывают, иные – томление любовное. Масла же индийцы токмо любовные делают. Тебе они ни к чему, твоя краса и без того любого сразит, да и муж у тебя любой рядом. Но я уж отказываться не стал.

– Спасибо тебе, Михайло, за диковинку, – приняла подарок довольная Елена. – Попробуем, таковыми ли благовония сии окажутся, как их нахваливают.

– И тебе подарок, княже, от оружейников тамошних.

Новгородец развернул сверток в руках второго паренька и поднес Егору странный, сильно изогнутый кинжал в серебряных, покрытых тонкой чеканкой ножнах.

Вожников, конечно же, первым делом выдернул клинок, удивленно цокнул языком, глядя на кривое лезвие с двусторонней заточкой: у рукояти широкое, в половину ладони, но быстро сходящееся в тонкое острие.

– Кханджарли такие в краях индийских называют, княже, – пояснил Острожец. – Очень индусы его ценят. Сказывают, нет такого лучше в схватке. Любую броню пробивает, в руке хорошо сидит, раны оставляет такие, после которых не поднимаются.

– Славно, славно, – покивал Егор, сжав узкую рукоять. – Стали на него, сразу видно, не пожалели. А что за девицу ты с собой притащил?

– То по воле твоей, княже, приехала...

– Как это по воле княжеской?! – моментально вскинулась Елена. – Егор просил себе индийскую наложницу?

Ее рука гневно указала на девушку. Та насторожилась, стрельнула глазами на Михайлу. Купец кивнул. Красотка запела и пошла вперед, виляя бедрами, стреляя зрачками из стороны в сторону и напевая что-то звонким голосом.

– Что ты несешь, Острожец? – сухо поинтересовался Вожников. – Какие девки, что за индианка?

– Да не индианка, княже! Ты ведь просил алмазов негодных привезти как можно больше. Таких, чтобы в украшения не шли и потому ценились невысоко. Я волю твою исполнил. А ее огранщики в подарок к камням добавили.

Девушка, закончив водить плечами и трясти бедрами, наконец-то опустилась перед Еленой на колени, склонила голову, вознесла над собой шкатулку и откинула крышку.

– Вот черт! – Забыв про нож, Вожников метнулся к ней, схватил ларец, повернул к себе: – Михайло, посвети! – На вид камешки не отличались от обычного кварцевого песка, причем очень грязного, с черными, желтыми и коричневыми крупинками, и Егор засомневался: – А это точно они?

– Вот те крест, княже, алмазы! – забеспокоился Острожец. – Да я за эту шкатулку полпуда золота отвалил! Они там по всем лавкам бегали, собирали. Каждый самоцветик проверяли, показывали. Так рады были, что сбыли каменья эти, что вон, дочку свою один из мастеров в подарок отдал!

– Как ее хоть зовут-то, Михайло? – скривилась сверху вниз на невольницу Елена.

– А пес его знает, матушка, – пожал плечами купец. – Ни бельмеса по-нашему не смыслит. Как немая. Мы ее так Немкой всю дорогу и звали. Ничего, откликается.

Индианка, услышав свое имя, повернула голову.

– Как проверяли, Михайло?! – повысил голос Егор.

– Так, это... – Купец покрутил ладонями перед собой. – Смотрели, проверяли.

– Вот проклятие! – Вожников поджал губы, крутанулся на пятках: – Милана! Ну-ка, сбегай в кладовую княжескую, принеси один из бокалов стеклянных, что у свенов захватили.

– Ну, а ты чего застыла? – надоела княгине коленопреклоненная невольница. – Давай, иди, иди отсюда... Вот немчурка проклятая. Отойди, вон, в стороне стой...

Елена махнула ладонью в сторону. Индианка расплылась в счастливой улыбке, вскочила, притопнула по полу босыми ступнями, звонко запела и пошла, пошла по горнице, потряхивая головой из стороны в сторону и резкими движениями придавая рукам то одну, то другую форму. Цепочка на бедрах забренчала, в свете свечей искорки на ткани стали багряными.

– Она хоть крещеная, Острожец? – поинтересовалась княгиня Заозерская.

– Помилуй, матушка! Ну откуда в Индии христиане? Токмо басурмане да язычники страшные, коровам поклоняются. Да не в храмах, а живым, на улицах.

– Это как? – не поверила Елена.

– Да ходят, сердешные, по улицам неприкаянные, ровно юродивые. Никто их при том не тревожит. Однако же доят, и молоко пьют, не стесняются. И еще богини там многорукие. Страшные, просто жуть. С черепами.

– То-то она расплясалась. Радует, что сбежать удалось, – сделала вывод княгиня.

– Надеюсь, никто не проболтается, что ее тут говядиной кормить будут? – ухмыльнулся Егор.

– Как же тут проболтаешься, коли она не смыслит ничего в речи человеческой? – пожал плечами Острожец.

Индианка, уставив ноги колесом, замерла перед Вожниковым, вскинула руки над собой, стрельнула глазами из стороны в сторону, покачала головой, развернулась к княгине, повторила свой трюк и бочком, бочком двинулась дальше.

– Забавная, – признала Елена. – Токмо ноги у нас быстро отморозит. Как морозы ударят, босой даже по дому лучше не шастать.

Наконец прибежала девка с резным бокалом красного венецианского стекла, протянула князю. Егор перевернул фужер доньшком вверх, выбрал из толстого слоя сверкающих песчинок черный кривой камешек, провел им по основанию ножки... Потом еще раз... Поднял глаза на купца:

– Что это, Острожец? Почему царапины нет?

– Дык стекло же, княже! – пожал плечами тот. – Его ничто не берет. Даже сталь каленая.

– Михайло... – громким шепотом произнес князь Заозерский. – Михайло, алмаз только тем и ценен, что прочнее его нет ничего на свете. И режет он все, вообще все. И стекло, и гранит, и сталь. Все! – рявкнул он. – Полпуда золота, говоришь? И девку к нему задаром? Черт, да остановите кто-нибудь эту дуру скрипучую, надоели ее выкрутасы!

Индианка остановилась, коротко поклонилась, семенящей походкой подбежала к Егору, взяла камешек из его руки, покрутила в тонких пальчиках, прижала к доньшку, чиркнула – и на стекле осталась глубокая длинная царапина.

– Екарный бабай! – изумился ее фокусу князь, порылся в ларце, выудил другой камень, протянул невольнице. Та рассмотрела алмаз, выбрала подходящую сторону, чиркнула. На бокале осталась еще царапина. Егор отобрал у нее камешки, порылся, приглядываясь к привезенному сокровищу, выбрал желтый, вовсе без острых граней, дал Немке: – А этот?

Индианка изучала камешек довольно долго, однако что-то высмотрела, провела им по дну и оставила четкий глубокий порез. Потом еще, еще и еще.

– А что я говорил, княже? Что сказывал?! – расцвел новгородец. Щеки его зарумянились, глаза сверкнули гордостью. – Фунта три отборных алмазов тебе добыл, княже! Один к одному. А девка какая, глянь! Статна, черноброва, глазаста. В постели огонь, верно тебе скажу, огонь будет...

– Что проку от девки, коли немая? – резко поднялась с кресла княгиня Заозерская. – Ни поручить чего, ни ответа выслушать. Миланка, на кухню ее гони, пусть хоть крупу переберет, и то польза. Опосля на починок отошлем, пусть за свиньями да овцами в хлеву убирает. С ними беседовать не о чем, там и немая работница сойдет.

– Постой! – вскинул палец Егор. – Сказываешь, Михайло, мастера какого-то камнерезного дочь?

– Потому с самоцветами и отдали, княже, – подтвердил купец. – Вишь, хоть и баба, а что-то смыслит. Видать, насмотрелась, как родитель работает.

– Да ее не спросить ни о чем, Егорушка! – всплеснула руками Елена. – Хоть бы чего и понимала – рази поможет?

– Кроме нее, у нас на подворье, милая, вообще никто ничего в этом деле не смыслит. Как говорится, с паршивой овцы хоть шерсти клок. Милана! Устрой ее в какой-нибудь светлице. В людской, боюсь, затравят в наряде таком, да еще и немую. Накормить вели.

– И то верно, – внезапно согласилась княгиня и добавила: – Рядом с собой ее посели. Заодно проследишь, чтобы не обидел никто, в светлицу к ней не шлялся, не бесчестил. Она ведь, бедненькая, даже пожалиться не в силах. И одежду дай какую из рухляди старой! А то срамota одна, смотреть противно.

– Слушаю, матушка, – поклонилась девка, взяла индианку за руку и повела за собой.

– С емчугой же дело чуток хуже вышло, княже, – проводив ее взглядом, продолжил купец. – Всего двести пудов ее купить удалось.

– Двести? – Егор ненадолго прикрыл глаза, переводя меру в более привычную. Двести пудов – это примерно три тонны. В порохе емчуги, как в этом мире называли селитру, три четверти как минимум. Выходит, привезенного новгородцем сырья хватит всего на четыре тонны огненного зелья. А каждый пушечный выстрел среднего калибра – полкило пороху. Если же сюда еще и крупный калибр приплюсовать, да еще и сотни пищальщиков... – Это же всего на пять-десять крупных схваток хватит, Михайло! Или на одну осаду! Ты чего, с ума сошел, Острожец? Чем я воевать буду, буржуй?! Безоружным меня решил оставить?!

– Не серчай, княже, то не по моей вине случилось! – вскинув руки, попятился купец. – То ведь ты первый начал из пищалей да тюфяков по ворогам лупить! Где конницу жребием снесешь, где ворота высадишь, где лодки потопишь. От и остальным захотелось так же лихо победы одерживать. Там стволы отлили, тут отлили, еще где-то отлили. Глядишь, ан емчуга вдруг нарасхват везде и всюду и пошла. Коли все ее жгут, рази напасешься? Стреляют все, а копают всего в двух местах: в Орде, на Емчужной горе в десятке верст от Сарая, да в Египте сарацинском, в пустыне где-то. В пять раз цена выросла, княже! Кабы кто такое о прошлом годе сказал, ни в жизнь бы не поверил.

– Ты чего, цену набиваешь, Михайло? – захлопнув крышку ларца, нехорошо прищурился Вожников.

– Помилуй, княже, не в цене дело. За любое серебро, ан все едино не купить. Нету емчуги на торгах, расхватили. Ныне от интереса такого смерды многие тут и там кучи зловонные из падали и навоза всякого закладывать стали. Зелье-то сие, знамо, из дерьма всякого мерзкого растет. Вот и копят, дабы опосля продать с прибытком. Не поверишь, кормилец, до того дело докатилось, у золотарей содержимое выгребных ям торговцы покупать начали! Видано ли дело, за мочу и какашки серебро дают!

– Фу, Михайло, как ты можешь о такой мерзости вслух рассказывать? – Княгиня брезгливо передернула плечами. – И слышать о сем не желаю! Князь, я к себе отойду, там грамоты пересмотрю.

Елена, высоко вскинув подбородок, пошла из горницы. В руках ее невесть откуда опять появился татарский ярлык.

– Хорошо, милая, – кивнул Егор, опустил крышку сундука с ордынскими документами, поставил «алмазную» шкатулку сверху.

– Что же ты, княже, тревожишься? – кинулся на помощь паренек. – Я бы закрыл!

– Не бойся, не надорвусь, – хмыкнул Вожников, так до конца и не привыкший к услужливости окружающих. – Сбегай лучше в погреб да меду хмельного бочонок принеси. И ковш прихвати. Не через край же хлебать.

– Слушаю, княже, – поклонился слуга и умчался по коридору.

– Ладно, Михайло, – хлопнул в ладоши Егор. – В моем положении не до брезгливости. После летнего похода рати, почитай, вовсе без припасов домой вернулись, стрелять нечем. Согласен на вонючую емчугу. Давай ту, которая из дерьма.

– Так это, княже... – развел руками купец. – Ты эти кучи мерзопакостные хоть озолоти, да токмо им самое меньшее три года зреть надобно. Ранее ничего не будет. А лучше пять. Да потом еще вываривать, сушить, вычищать.

Вожников представил себе процедуру, и его передернуло почище, нежели жену:

– Ладно, Михайло, не будем об этом! Расскажи лучше, как плавал, чего видывал.

– Да чего там рассказывать, княже? – пожал плечами Острожец. – До Персии путь привычный, там о заказе твоём с сотоварищем местным сговорился. Знакомец давний, надежный. Как понял, что дело крупное да срочное, так мы с ним на верховых и помчались. Одному

нельзя, никак нельзя. Земли-то сарацинские, закона не знают. Христиан грабят без колебания, на то им и дозволение от султанов своих имеется. Три недели ехали, еще столько же там товар выбирали. Толком ничего и не увидел, токмо то, что в глаза бросалось. Коров этих, что на улицах пасутся невозбранно, а иные и в венках цветочных, богиню страшную многоругую, церкви тамошние издалека. Все больше на камни, на самоцветы смотрел, дабы не обманули тебя, княже, да доверие твое. А цены-то, цены там какие, княже! Здесь супротив тамошних в два сорока поднимают, коли не более. Вот те крест, один разор тут самоцветы покупать.

– Много взял?

– Ну, откуда, когда? – Глазки купца забежали. – Все второпях, в заботах. Путь дальний. Коли с торгами не поспешишь, то обратно за лето не обернешься! И так страху-то натерпелся, когда в самую сечу на Волге попал. Там, верь не верь, Едигей со ставленником своим Темюр-ханом насмерть сцепился, целая война разразилась! Мыслю я, поменялась ныне власть в Сарае, опять новые вестники с ярлыками по землям русскими поскачут.

Судя по тому, что Острожец не знал о появлении Егора и его татарской союзницы, низовье Волги новгородец миновал довольно давно. И добрый месяц где-то пропадал, прокручивая свои делишки.

– Успел? – подмигнул ему Вожников.

– Что? – не понял купец.

– Успел самоцветики индийские дальше на запад, в края немецкие, до ледостава отправить? Дабы не сам-сорок, а сам-четыреста перепродать?

– Ну... Так это... Ну, рази чуть-чуть... – замялся Острожец.

– Не ври мне, Михайло, – покачал пальцем Егор. – Ой, не ври.

– Ну, так дело-то купеческое! – развел руками тот. – Как же о мошне своей не подумать, коли удача такая редкостная выпала? До Индии наш купец православный добирается редко. По пальцам ходки такие можно пересчитать!

– Ладно. Коли успел – твоя фортуна. Поручение исполнил – стало быть, за прочее спроса нет. Только не ври. Веру в тебя потеряю, того ты никаким золотом уже не вернешь.

– Да вот те крест, княже, со всей душой стараюсь! – размашисто перекрестился купец.

Очень вовремя в горницу вошел слуга с объемистым дубовым бочонком, умело выбил донышко, привесил сбоку ковш, зацепив крючком на рукояти за край бочонка. По комнате потянулся гвоздично-медовый аромат.

– Ну, коли так, друже, то садись, – оседлав сундук, указал на место перед собой Егор. Зачерпнул меда, отпил половину ковша, протянул купцу: – На, по-братски.

– Твое здоровье, княже! – сказал купец и с удовольствием угостился пенным хмельным напитком.

– Теперь рассказывай, где мне этой чертовой емчуги возков двести-триста добыть? В пудах ее мерить мне не интересно. В пудах – это на половину похода ратного едва хватит. Может, в Орду гонцов заслать? Она ныне нам дружная, пусть холмы свои разрывает для общего дела.

– Пока встрепенутся, пока людей наберут да на работы поставят, пока добудут, пока выварят... Год, раньше нового большого запаса не получишь. – Острожец зачерпнул еще меда, выпил. – Да и плохая емчуга земляная-то. Намокает моментом, коли просто дождь за окном пойдет. А вот из дерьма – та куда как лучше. Ее просто в мешках воцеленных держать можно, и ничего не делается³.

– Три года! – Егор забрал у него ковш и тоже черпнул медовухи. – Мне теперь что, три года вовсе без пороха сидеть? А ну случится что? Воевать чем?

³ Из земли копалась селитра натриевая, а из «селитряных куч» добывалась калийная, куда менее гигроскопичная.

– Так ведь господь-то ныне все так устроил, что опасаться Руси нечего, – перехватил корец Михайло. – Сам посуди: после смерти Тамерлана могучего в Хорезме до сих пор смута не кончается. До гибели своей он османов разгромить успел и султана тамошнего сразил. И у них тоже смута зачалась нескончаемая. Витовт с орденом Тевтонским так сразился, что сил не осталось в земли побежденных крестоносцев войти, замирились на уступках мелких, ради коих и войны затевать не стоило. Сам орден, знамо, треть кавалеров убитыми потерял, да еще более ранеными – ему и вовсе воевать нечем. Лепота! Опасаться далеко окрест ныне некого. Живи себе, князь, мед-пиво пей да в ус себе не дуй.

– Твои слова да богу в уши, – Последовав совету, Егор опрокинул еще ковш. – За три года они раны зализут да опосля со всех сторон разом и вцепятся!

– Коли так, бери двести пудов да молись, – посоветовал Михайло Острожец. – Авось да и хватит, коли с умом использовать. Голь на выдумки хитра!

– Да, тут надо технически... – согласился Вожников. – Ладно. Алмазы теперь есть, авось чего и выгорит.

Оружейная ювелирка

Отец сказал:

«Манджуша, лучше быть сытой рабыней, чем всю жизнь прозябать в нищете. Смотри, как легко расстается с золотом этот торговец, горстями покупая камни, годные только на точила и шлифовку! У него всегда найдется для тебя кусок хлеба и миска творога. Я подарю тебя ему, и ты избавишься от проклятия вдовы».

Но девушке и ее отцу не удалось обмануть карму. Если в этом воплощении супруг Манджуши не дожил даже до гарбхадхана⁴, выходит, в прошлой жизни она соблазнила слишком много чужих мужей для сытой жизни. Вместо ласк и угощений от нового хозяина она получила одиночество, холод и жидкую мучную похлебку с капельками жира. Сперва ее везли в тряской повозке, потом вместе с бочками чуть ли не на вечность заперли в темном трюме, а когда наконец-то выпустили на свет, она до полусмерти окоченела от сырости и холода.

Правда, в последние дни ее кормили вдосталь, два раза в день кашей с мясом и копченой рыбой. Но она знала почему. Впереди был невольничий рынок, и чужеземец хотел откормить невольницу, чтобы продать подороже.

Манджуша не боялась рынка – девушка даже мечтала о нем, надеясь перейти в более хозяйственные руки. Но больше того она хотела согреться – проводя все время на палубе, свернувшись на парусине в приоткрытом сундуке и накрывшись тремя слоями толстой кошмы. Так, завернувшись в кошму, она и шла от причала до огромного дома из бревен, стоявшего в обширном дворе с земляными стенами и деревянным полом.

В тускло освещенном коридоре за двойными дверьми торговец снял с нее кошму и стоптанные сапоги, вручил в руки ларец с отцовскими алмазами и жестом показал, что его нужно носить перед собой на выставленных ладонях. После чего поправил на двух мальчиках толстые шервани⁵, обшитые мехом, сунул им бархатные свертки и повел за собой по коридору.

После недолгих разговоров со слугами у одной из дверей все они вошли в просторную комнату, и у Манджуши окончательно оборвалось сердце: здешними дикими землями правила женщина! Богато одетая, она была единственной, кто восседал на троне. Все мужчины стояли, с почтением внимая ее словам. Великий Авалокитешвара, похоже, смотрел куда-то в другую сторону, а мудрый Варуна⁶ не желал прощать ей грехи прошлого воплощения. Девушка еще могла бы привлечь к себе внимание мужчины, добиться для себя каких-то милостей, надеяться на ласки. Но чего хорошего можно ожидать от женщины? Женщины благоволят к мужчинам...

Купец преподнес подарок правительнице, потом ее придворному, сделал знак Манджуше. Девушка пошла вперед, всячески стараясь выказать уважение и подчеркнуть собственные умения и красоту, опустила на колени, преподнося госпоже доставленные драгоценности. Однако женщина не снизошла, шкатулку забрали слуги, открыли, начали обсуждать содержимое. Хозяйка, глядя на нее, вскинула руку, крутанула ладонью.

⁴ Гарбхадхана – «вторая свадьба», буквально: «зачатие». Индийская традиция испытывает прямо-таки сакральный ужас перед возможностью того, что женщина окажется незамужней. Вплоть до того, что символический обряд бракосочетания проводится даже над мертвыми индианками. Во избежание такой опасности вплоть до последнего времени девочек выдавали замуж в 6–7 лет, но после этого они часто оставались в родительском доме, пока не выросли до «второй свадьбы». Вдовство в Индии считается карой за распутную жизнь в прошлых воплощениях, второй раз выходить замуж уже нельзя – и случалось, что девочки становились вдовами, увидев почившего мужа только один раз в глубоком детстве.

⁵ Шервани – мужская одежда в Индии, похожая на очень длинный пиджак. Близкий аналог ферязи.

⁶ Авалокитешвара – бог сострадания, Варуна – бог-судья, бог неба, вседержитель.

Повинуясь приказу, Манджуша начала танцевать, сама себе напевая и выстукивая ритм. На некоторое время, как показалось, ей удалось привлечь общее внимание. Но потом торговец и придворный затеяли проверять качество камней, и, как поняла девушка, у них что-то не заладилось. Испугавшись, что отца обвинят в обмане, Манджуша подбежала к ним и показала, что любой из проданных алмазов легко царапает стекло. Мужчины обрадовались, а вот госпожа была рассержена самовольством танцовщицы, внезапно прекратившей ее развлекать, – ее служанка взяла рабыню за руку и увела из хозяйских палат, затащила куда-то наверх, в крохотную, как отцовская спальня, комнатенку...

Наказания за дерзость не последовало. В холодном темном узилище ее даже покормили – служанка принесла крынку с пряной горячей жидкостью и запеченной в тесте смесью яйца с какими-то кореньями. Однако утром стало ясно, почему: в узилище вошел давешний придворный, сунул ей сапоги и длинное грубое одеяние из овчины, что-то сказал, закрутил руками, явно торопя. Похоже, недовольная ею здешняя правительница просто-напросто передарила рабыню своему слуге.

Однако он, по крайней мере, был мужчиной.

Манджуша как можно приятнее улыбнулась и стала одеваться, а потом вслед за господином вышла на промозглый ветер, под дождь, и долго семенила за его спиной по деревянным мосткам, проложенным вдоль раскисшей в кашу улицы. Путь оказался долгим: сперва через весь город, потом через мокрый лес, вдоль реки к оглушительно грохочущей водяной мельнице с медленно вращающимся на краю деревянной плотины колесом.

В этом мире, похоже, вообще все, от дорог и стен до крыш и плотин, делали из дерева!

Мостки закончились у двери в просторный сарай. Господин вошел туда, Манджуша нырнула следом и... И наконец-то впервые за много дней смогла вдохнуть полной грудью и развернуть плечи, окунувшись в блаженную волну ласкового летнего тепла.

Тепло исходило от полного желто-красных углей горна, в котором калились какие-то полосы, круги и бруски. Вал мельничного колеса через ременный привод равномерно поднимал и опускал рычаги мехов, а рядом накатывал толкатели на хвостовики сразу двух огромных, размером с поросенка, молотов. Молоты поднимались и падали на наковальни, на которых полураздетые бородачи ворочали красными трубами, наматывая на них сверху и тут же проковывая железные ленты.

Слуга правительницы скинул свой толстый меховой шервани, обнял вставшего навстречу бедно одетого, но мускулистого бородача. Потом подманил Манджушу, раскрыл ларец. Вдвоем они поворошили сокровище пальцами, потом ее хозяин зачерпнул где-то с половину горсти алмазов, высыпал на небольшую наковальню, стоявшую в стороне за горном. Мужчина взял молоток, аккуратно примерился, вскинул над головой...

– Стойте! – не выдержала девушка. – Нет, не бейте! Они разлетятся, воткнутся в железо, будут разного размера. Если хотите дробить, не бейте, а растирайте. – Она показала жестом, как нужно крутить молоток. – Растирайте! Тогда порошок выйдет одной зернистости.

Хозяин остановился вовремя, переглянулся с бородачом, потом отступил и протянул молоток Манджуше.

Авалокитешвара по-прежнему не желал оделять несчастную вдову своей милостью. Ее новый господин оказался даже не слугой, он принадлежал к касте ремесленников. Знал бы отец, на какую судьбу ее обрекает! Рабыня ремесленника... Пасть ниже уже невозможно, она лучше умрет, чем достанется неприкасаемым. Пока же... Манджуша много раз видела, как отец растирает непригодные для украшений алмазы в порошок или в пыль, чтобы сделать скребки для обработки камня, пластины для шлифовки хороших камней, ленты для полировки. Нужно только взять тяжелую терку и тщательно следить, чтобы драгоценные пылинки не улетали в стороны.

Пройдя по мастерской, она выбрала подходящий по весу молот, проверила качество его поверхности, принесла к наковальне, положила на горстку драгоценных камней и принялась неторопливо прокатывать их, дробя в мелкий царапучий порошок.

Бородач засуетился, принес откуда-то длинный шест – удивительно ровный, и только на кончике чуть-чуть сведенный. Затем притащил от горна высокое ведро с пахнущей супом жижей.

Насколько крупный был нужен хозяину порошок, Манджуша не знала, и потому, добившись камнерезной зернистости, остановилась, подняла молот, подозвала господина. Он посмотрел на результат, явно обрадовался. Бородач сунул палку в ведро, достал, пошел к наковальне.

– Нет, не так! – замахала руками девушка. – Много клея нельзя! Он будет трескаться и откалываться вместе с алмазами! Нужно совсем немножко, чтобы только впиталось!

Мужчины замерли, смотря на нее с ожиданием. Манджуша забрала палку, вернула ее мокрой стороной в ведро, чтобы пропитывалась клеем, потом показала на порошок, наклонилась, провела пальцами по глянцевой коже сапога бородача.

Отец как-то пояснил, что приклеивать камни к терке нужно на мягкой поверхности. Если алмаз прижимать к ней, он повернется острием наружу, а ровным сколом приклеится к инструменту. И вот надо же – пригодились.

Мужчины сообразили, бородач убежал, вскоре вернулся с большим куском кожи. Девушка аккуратно пересыпала порошок на него, вернула на наковальню, как смогла равномерно распределила. Затем выдернула шест, руками тщательно отерла от горячего клея и несколько раз прокатала по коже от кончика и выше, насколько хватило блеска на коже.

И тут случилось чудо! В грохочущий сарай пришла сама повелительница этой земли, о чем-то поговорила с ремесленниками, отдала им кувшин, а уходя – увела Манджушу с собой! Похоже, она передумала и забрала подаренную рабыню обратно, отдав в качестве платы кувшин с каким-то забродившим пойлом.

Невысоко, однако, они в здешних краях ценят невольников! Кувшин браги – за человека.

Дикари...

* * *

– Вот видишь, матушка, токмо о делах князюшка и хлопочет, нет у него никаких иных помыслов. – Милана расправила складки на подоле платья, отступила. – Велишь дальше грамоты ордынские доставать?

– Коли нет иных помыслов, что же он спозаранку немку сию прихватил да на кузню поволок? – перевела взгляд на невольницу княгиня Елена.

– До железа зело охоч князюшка наш, вот и бегаёт, – ответила служанка. – Напрасно ты в нем сомневаешься. Да на мельнице этой кузнечной ничего, окромя железа, и не сделаешь. Эвона, грохот там какой, да жара, да трясется все, не зайти даже...

– На мельнице, может статья, и никак... – покачала головой княгиня. – Да токмо чую я, касался он другой бабы, ох, касался! Сердцем чую, губами, ласками ночными. Другим он стал, изменился Егорушка. След на нем чужой.

– Не может быть такого, матушка. Напрасно себя изводишь. Любит тебя муж твой, ни на кого другого и не смотрит. Он тебя, почитай, полгода не видел, как же тут не измениться? Соскучился он по тебе, истосковался. Оттого иным и кажется.

– Так истосковался, что поутру первым делом за эту страхолюдину схватился...

Поняв, что госпожа обращается к ней, Манджуша мигом скинула меховую одежду, сапоги и, мерно притоптывая, начала танцевать.

– Велишь отослать? – торопливо спросила Милана.

– В свинарник бы ее загнать, – мечтательно ответила княгиня. – Да боюсь, Егор обратно приведет...

– Никак мне косточки перемываете? – Распахнулась дверь, и в горницу вошел Вожников, веселый и румяный, в простых сапогах, овчинном тулупе и серой суконной шапке. – Добром поминаете, али заговор какой задумали?

– Ты пахнешь дымом! – недовольно поморщилась Елена. – И одеваешься, как смерд!

– Прости, милая, но в кузне искры тут и там летают постоянно. Того и гляди прожгут одежду-то. Шубу будет жалко. А тулуп если и подпалится чуток, так и черт с ним.

– Егор! – укоризненно покачала головой княгиня и наскоро перекрестилась. – Не сквернословь. Ты когда последний раз на исповедь ходил?

– По мне кружка хорошего кваса для души куда полезнее, – усмехнулся Вожников. – Кстати, за квасок тебе спасибо, очень вовремя ты его принесла, милая.

Он двинулся было к жене, но та испуганно вскинула руки:

– Сперва переоденься! От тебя воняет углем и железом! Иди, а я велю накрывать на стол.

– Кстати, индианка чертовски полезной оказалась! – ткнул пальцем в невольницу князь. – Милана, переодень ее во что-нибудь более подходящее. А то по нашей погоде она в этих обносах через неделю ноги протянет. И вообще, больше на попрошайку ныне похожа, нежели на дворню княжескую.

– Чем это она так полезна? – моментально вспыхнула Елена.

– Показала, как правильно алмазы дробить, как порошок этот на основу класть. Мы с Кривобоком рыбий столярный клей для этого взяли. Он такой прочный, что, если склеенные детали разорвать, то не по шву, а по древесине вещь всегда ломается. Нагрузка тут опять же небольшая, так что выдержит.

– Что выдержит? – не поняла княгиня.

– Мы попытаемся стволы кованые изнутри этой разверткой миллиметров на пять расверлить, чтобы неровности снять, – объяснил Вожников. – Если алмазный инструмент железо возьмет, то каналы получатся ровные, гладенькие и калиброванные. А значит, стволы можно будет ковать в три раза длиннее, чем сейчас – это раз, снаряды делать точно в размер – это два, и я так думаю, что с оперенными снарядами покумекать удастся. Проще говоря, наши пушки станут бить раз в пять дальше, чем у остальных. У нас с Кривобоком с разрывными снарядами тут кое-какие задумки появились. Дорогие, заразы, получаются... Но если пороха в обрез, лучше использовать его по полной, чтобы каждая крупинка с пользой сгорала.

– Лучше бы ты к исповеди сходил, Егорушка, – вздохнула княгиня и махнула рукой: – Ладно, Милана, наряди ее нормальной девкою. Может, и вправду какую пользу принесет. Хотя, право слово, лучше бы в свинарник...

* * *

Варуна смилостивился! А может, Авалокитешвара все же глянул в ее сторону, поразился страданиям – и по воле его здешняя правительница вдруг передумала и забрала Манджушу из лап ремесленников, чтобы оставить при себе. Больше всего рабыня испугалась, когда шудра⁷ прибежал требовать ее обратно – указывал на нее рукой и громко ругался. Однако воля госпожи, конечно же, оказалась сильнее, и она не просто оставила рабыню себе, но и велела переоблечь ее в свои одежды. Теперь дочь ювелира стала ее собственностью.

Под руководством другой служанки Манджуша переоделась в кладовой в войлочные туфельки, рубаху из грубого полотна, такое же грубое, но разноцветное платье, в несколько юбок, накрыла волосы платком, но сама при этом постоянно думала о том, чем отблагодарить хозяйку, как выразить свою преданность? Сказать она ничего не могла, с танцем все время получались неприятности, соблазнить женщину привлекательной внешностью невозможно. И что делать? Ведь будет правительница недовольна – опять кому-нибудь подарит. И потом уже не передумает.

Опасность быть проданной, неумение говорить, незнание дикарских обычаев и желание хоть как-то проявить благодарность привели к тому, что поздно вечером, когда Манджуша вместе с тремя другими служанками помогала хозяйке разоблачиться перед сном, девушка, увидев рядом руку правительницы, наклонилась и торопливо ее поцеловала.

Госпожа руку отдернула, посмотрела с удивлением, явно не оценив порыва рабыни. И тут Манджушу осенило! Она сбегала к полке, на которой вместе с другими редкостями стоял лоток из слоновой кости, схватила, перебежала к кровати и упала на колени, подняв его над собой.

Княгиня неуверенно хмыкнула. Невольница, поняв, что ее не гонят, поставила лоток на пол, аккуратно сняла крышку, нанесла на ладони немного масла и начала осторожно натирать, одновременно разминая, ноги хозяйке. Не встретив сопротивления, тихонько запела.

Поднимаясь все выше и выше, она сняла с правительницы рубашку, еще раз смочила ладони, принялась растирать тело. Женщина расслабленно вытянулась под ее руками и что-то произнесла. Остальные служанки с поклоном вышли, и сердце рабыни забилося от радости: она смогла обратить на себя внимание! Теперь главное – не упустить удачу, проявить

⁷ Шудры – «порода людей», относящихся к земледельцам и ремесленникам. Индийский социум делит людей на четыре уровня: брамины (жрецы), кшатрии (воины), вайшьи (торговцы) и шудры. Неприкасаемые, выполняющие самую грязную работу, в касты не попадают, поскольку за людей не считаются. Более подробное кастовое деление на «джати» насчитывает больше трех с половиной тысяч позиций.

себя так, чтобы навсегда остаться нужной и близкой. И Манджуша постаралась, умастив и размяв все тело хозяйки, ее руки и ноги, спину и живот, каждый пальчик, каждую складочку. Под конец знатная дикарка стала даже постанывать от удовольствия.

Неожиданно дверь распахнулась, в спальню вошел уже знакомый рабыне ремесленник. Манджуша вскрикнула от испуга, отскочила к темному слюдяному окну. Однако прavitельницу появление слуги не смутило. Она перекатилась на спину, улыбнулась и, с готовностью поцеловав мужчину, позволила себя обнять, приласкать.

Манджуша в ужасе закрыла лицо ладонями. Она поняла, что узнала позорную тайну властительницы этого мира: госпожа осквернилась мужчиной из низшей касты! Теперь рабыню неминуемо казнят!

И вот к ней приблизились тяжелые шаги, мужчина остановился рядом. Манджуша втянула голову в плечи и... Вместо смертоносного удара ощутила легкое похлопывание по руке. Опустив ладони, девушка взглянула на палача – но тот лишь пошевелил указательным и безымянным пальцами, изображая переступающие ноги. Рабыня все поняла и, сорвавшись с места, выскочила из спальни.

– Странная какая, – удивился Егор, глядя ей вслед. – Нечто не знает, что между мужем и женой в опочивальне по ночам случается?

– Ну ее, любый мой! – откинулась на спину княгия. – Иди ко мне, утоли мое томление. Вся горю, просто мочи нет никакой...

Ночь была жаркой и долгой, неожиданно чувственной и сладкой – и потому на следующий вечер Елена опять позволила новой невольнице остаться в спальне и умастить ее благовониями, а через пару дней разрешила разжечь курительные свечи. Отчего бы и не попробовать, коли все равно на полке лежат? Ароматы щекотали и пьянили, добавляли новых ощущений, делали Егора неожиданно страстным и жадным. Это было интересно и забавно.

Манджуша действительно обрела доверие и внимание своей госпожи. А вместе с тем и новый страх – она с ужасом видела, как стремительно пустеет лоток из слоновой кости. И что случится потом?

Между тем слякоть на улицах наконец-то исчезла, сменившись прочным ледяным панцирем, вместо дождя с неба величаво падал снег, окрашивая мир в девственно-белый цвет, озеро Воже подернулось льдом и прикинулось огромным ровным полем.

Рыхлая ватага князя Заозерского продолжала гулять по кабакам и постоялым дворам, тратя добытое в кровавом походе серебро, засыпая и просыпаясь прямо за столами и путая день с ночью. Что, впрочем, в долгие осенние ночи и короткие сумрачные дни было совсем не удивительно. Крестьяне только успевали подвозить крупу и освежеванные туши со своих дворов, а рыбаки – таскать на кухни корзины с уловом.

В кузне Кривобока было не так весело, но дело двигалось. Опасаясь перегреть «развертку» с драгоценным наконечником или выломать камни, мастер занимался сверлением самолично, стоя над душой у двух рабочих, крутивших ворота, следил за соосностью ствола и инструмента, проверял пальцем температуру, смазывал кожу на удерживающих шест осях. Сверление продвигалось медленно, и когда Егору сообщили, что оно закончено, он поначалу даже не поверил. Но уже через миг сорвался с места и побежал на мельницу, что продолжала работать, несмотря на мороз – обледенелое колесо вроде даже быстрее крутиться начало.

К появлению князя все было готово: шест убран, ствол снят со станка, пол подметен, молоты подняты в верхнее положение, работники стояли вдоль стены, одетые в чистые рубахи.

– Да знаю, знаю, молодцы, – мимоходом похвалил их Вожников и кинулся к пушке, тонкой на конце и с намотанной на казенник в пять слоев железной лентой.

Канал ствола, не в пример обычному, был не серый, в мелких язвинках, а гладкий, сверкающий, что зеркало, совершенно чистый. Егор выхватил у Кривобока факел, подсветил

горловину, глядя в глубину. И не нашел ни единого ореха, к которому можно бы придраться.

– Тройная длина, тройная толщина, тройная чистота, – произнес Вожников. – Коли выстрел с тройным зарядом выдержит – всем по три алтына!

Работяги радостно взвыли, кинулись к стволу, намотали на него веревки, разобрали по плечам, поднатужились. Пушка оторвалась от козел, закачалась в воздухе.

– И куда нести собрались, добры молодцы? – ласково поинтересовался Егор.

– А куда надо, княже?!

– На берег озера.

– Отнесем, княже.

– Сперва станок там сколотите, с которого стрелять! Или вы ствол просто на лед бросить захотели?

Мужики, крикнув, опустили пушку на место и, толкаясь и переругиваясь, потянулись к выходу. Некоторые, как заметил Вожников, прихватили топоры. Позвать плотников никто и не подумал. В этом мире каждый второй был способен срубить из подручного бревна хоть скамью, хоть стол, хоть лодку – это Егор уже успел усвоить.

– Все едино присмотреть надо, чего делают, – решил он. – А то спят что неладное по своему разумению. Кривобок, ты мое поручение выполнил?

– А как же, княже! – Кузнец отошел к горну и вскоре вернулся со снарядом, чем-то похожим на сосиску, но оперенным с одного конца куцыми, чуть закрученными железными крылышками. – И поддон деревянный сделал, все как ты велел. Но с тем, вторым, который из двух половин и полый, мороки больно много, еще не закончил.

– Как же ты их делать станешь, коли мне не один, а сто понадобится?

– Не беспокойся, княже. Найму работников, приготовлю оправку, поставлю к наковальням механическим, объясню, что надобно. За месяц и две сотни наклепаю, коли потребуешь. Тут ведь главное понять, как сподручнее все сие сотворить. Какая приспособа нужна, в каком порядке варить. Опосля проще пойдет.

– Ну, коли так... – Егор взвесил в руке железную «сосиску». Диаметр с кулак, она весила никак не меньше пяти кило. Плотный строй прошьет насквозь, даже если десять рядов и все в доспехах. – Коли так, пошли пробовать.

Для новой пушки кузнечные подмастерья выдолбили в подобранном где-то кряже неглубокий лоток, под руководством Вожникова поставили его у самого берега, придав возвышение примерно в тридцать градусов. Потом принесли ствол, уложили сверху, примотали для надежности веревкой. Егор самолично засыпал в ствол почти килограмм гранулированного пороха, прибил деревянным пыжом, обернутым сыромятной кожей. Заложил «сосиску», поджал пыжом из ветоши. В запальное отверстие протолкнул огнепроводный шнур – в прочности казенника он до конца уверен не был.

– Кресало есть у кого? – оглянулся он на работников.

– Дозволь мне, княже, – выдвинулся вперед один, расстегивая поясную сумку.

– Так, отходим, – махнул руками на остальных Вожников, вместе с ними отступил шагов на сто, за вытащенные на берег и перевернутые ладьи, запорошенные снегом.

Еще несколько мгновений ожидания – а потом оглушительно грохнул выстрел, подняв над берегом огромное облако снежной пыли. Мужчины напряглись, глядя в даль. Егор загибал пальцы: секунда, вторая, третья, четвертая... Пятая. Шестая...

– Не выстрелила! – разочарованно ударил себя кулаком в ладонь Кривобок.

Словно дождавшись именно этих слов, в самом центре озера неожиданно высоко вздыбился бело-черный фонтан. Похоже, ядро пробilo лед и расплескало воду.

– Вот это да! – охнули кузнецы. – Да тут верст шесть будет, не менее! Точно, шесть верст, прости Господи. Ай да палочка с камушками! Ай волшебная!

– Пушку убрать, сегодня гулять и веселиться, – разрешил Егор. – Но завтра с утра начинайте высверливать новые стволы. И еще, Кривобок! Готовь развертку для ствола в фут шириной. Под разрывные снаряды. От маленьких толку будет мало, мелкашки оставим только для снайперского боя.

– Все сделаю, княже, не беспокойся, – склонил голову кузнец.

– Полагаюсь на твое слово, мастер. – Вожников достал из поясной сумки кошель. – Вот, работников своих награди. Заслужили!

Обрадованные подмастерья, шумно поблагодарив князя, поспешили к остывающей на берегу пушке. Егор же в задумчивости отправился к князьему городку, прикидывая, как лучше всего использовать вновь открывшиеся возможности.

Артиллерия, которая бьет втрое дальше лучших стволов любого противника – это, конечно, здорово. Но военное дело таково, что утаить секрет надолго не получится. Пройдет всего несколько лет, и алмазный инструмент станет так же популярен, как кузнечный молот, а каналы всех орудий континента заблестят полировкой. Окно возможностей получалось совсем небольшое. Учитывая катастрофическую нехватку пороха – даже крохотное.

«У меня нет пороха, но зато есть железо и золото, – подумал Вожников, поднимаясь по скользким мосткам вдоль края пологой улицы. – Придется заменять количество качеством. Тем более о снарядах я тоже знаю кое-что, о чем здесь никто еще даже не задумывается».

– Держи!!! Бей! – По мосткам навстречу мчался низкорослый мужик в распахнутом зипуне и с поднятым над головой мечом. – Лови их!

Рука Егора привычно скользнула к сабле... И не нащупала рукояти. Расслабился дома князь, перестал оружие носить. В кузне не нужно – вот и не взял.

– Руби выроdkов! – Мужик был уже совсем рядом, и Егор, плюнув на свое высокое звание, предпочел посторониться, сойдя на обледеневшие глиняные колдобины. Вояка с мечом недовольно вякнул, растопырив руки и замерев вполоборота к мосткам, но остановиться не смог, заскользив по блестящим доскам дальше, к началу улицы.

«Вот черт, – покачал головой Вожников. – С этим надо что-то делать. Жить с ними в одном городе теперь уже опаснее, чем вообще без дружины».

Мужик на повороте мостков не удержался, кувыркнулся на землю, вскочил, размахивая мечом, и побежал назад, вверх по улице:

– Убью! Убью, отродье сарацинское!

– Угрюм, ты? – с удивлением узнал в буйном вояке своего доброго ратного товарища Егор. – Ты откуда такой? Что случилось?

– Убью!

Ватажник взмахнул мечом, и Вожникову стало не до разговоров. С трудом удерживая равновесие на обледенелых комьях и краях колеи, он отскакивал, уворачивался, пытался, спасаясь от стремительного сверкающего клинка. Угрюм был бойцом изрядным, опытным. Будь потрезвее, убил бы точно. Но ныне то промахивался, лишь царапая кончиком меча сукно зипуна, то делал выпад слишком медленно, и Егор успевал вывернуться.

– Да что на тебя нашло, окаянный?! – Князь отпрянул, втянув живот, и сталь в очередной раз лишь прошелестела по коже поясной сумки. Вожников отскочил, перебежал к забору, покрутил головой в поисках оружия, но ничего подходящего не заметил.

– Стой, гад, убью! – Угрюм перескочил через колею, взял меч двумя руками. И ведь не поскользнулся, пьянь!

Егор дождался, пока тот в очередной раз вскинет клинок, и поднырнул ему под руку. Пробежал до свежих, еще белых, тесовых ворот какого-то новосела, занес было кулак, но в последний миг стучать передумал. Князю несолидно смердов о помощи просить. Он сам защищать своих подданных обязан. Тем более что сверху по улице бежали с криками другие ватажники, выкрикивая его имя.

Увернувшись от очередного выпада, Егор метнулся к сложенной у забора поленнице, схватил первую попавшуюся палку, развернулся, вскинув над головой. Меч глубоко засел в древесине, и Вожников, отпустив полешко, смог наконец сделать шаг вперед и впечатать в подбородок верного товарища прямой нокаутирующий удар.

– Ты как, княже?! – на всем бегу врезался в поленницу запыхавшийся Никита Кривонос.

– Да чего со мной сделается? – повел плечами Вожников. – Ты мне лучше скажи, какие бесы в Угрюма вселились?

– Дык, княже, мы тут выпили малехо, – почесал в затылке Кривонос, судя по запаху, давно пропитавшийся вином насквозь. – И тут бахнуло что-то. Ну, это... Угрюму втемяшилось, что это сарацины на город напали. Дескать, на берег высаживаются. От он обороняться и кинулся. Это, дык... И не догнать...

К месту схватки подошли еще несколько ватажников. Двое – с кувшинами. Разумеется, не пустыми. Все, кроме Никиты Кривоноса, заметно покачивались, словно рябинки на ветру. Впрочем, сам Кривонос держался за поленницу.

– Ладно, Никита, забирайте его и в подклеть на княжий двор отнесите, пока он еще на кого-нибудь не кинулся. Завтра разберемся.

– А я ему сказывал: замерзло уже озеро! Откуда в нем сарацины? – вдумчиво сообщил Иван Карбасов. – А он – на князя с мечом! Эно как... Может, Угрюм сам в сарацины подался? Порты бы с него снять, проверить. Да заодно всыпать хорошенько. Чего он бунт-то со смертоубийством затеял?

– Бунт? На атамана покусился?! – заволновалась толпа хмельных ватажников. – На осину его!

– Никаких осин! – повысил голос Егор. – И никаких портов! Никита, велел же – в подпол его тащи. После разберемся.

Однако разобраться самому не получилось. К утру слух о том, что ватажник Угрюм ввечеру попытался убить атамана, успел разбежаться по всему городу, и еще до рассвета на княжий двор стали подтягиваться люди. Кто-то рвался выломать дверь в поруб и казнить предателя за измену, кто-то уверял товарищей в оговоре известного воина; кто желал узнать подробности, а кто пришел просто за компанию: бражки выпить, в толпе потолкаться, на суд и казнь посмотреть. Развлечений-то осенью немного, а тут хоть какое, а событие.

Пьяная вооруженная толпа перед крыльцом дворца могла напугать кого угодно, и поначалу Елена даже порывалась отправить ребенка из дома к каким-то «верным людям» – однако тут же выяснилось, что у князя Заозерского, победителя нескольких военных походов, одного из влиятельных правителей нынешней Руси, нет под рукой даже нескольких ратников, которым можно доверить охрану сына. Ушкуйники, его храбрая ватага – вот они, во дворе, вольные и свободные, каждый себе на уме, хмельные и шумные. Воинов же, что служат Егору, и только ему, трезвых, преданных, готовых в любой миг взять в руки сабли и беспрекословно выполнить отданный приказ, у него попросту нет.

В прошлый год, когда серебра у ватажников было поменьше, а опасностей вокруг – поболее, они кое-как все же несли сторожевую службу и долгих запоев себе не позволяли. Ныне же... Только старая дворня – девки, пожилые слуги, ярыги да взятые в закуп подростки делом, хозяйством и порядком занимались. Впрочем, и их ушкуйники норовили подпоить и угостить.

– Один у тебя боярин, Егорушка, – со вздохом посетовала Елена, передавая младенца на руки кормилице. – Да и тот – Федька бестолковый. Невесть где шляется... Но делать нечего. Идем к миру. Послушаем, чего желают. Милана, шубу!

Короткая паника миновала, и она снова стала сама собой: родовитой княгиней, суровой и невозмутимой, согласной скорее принять смерть, нежели позор. Елена лишь краем глаза

проводила крохотного Михаила Егоровича, которого дородная Пелагея вынесла за дверь сеней, поправила на плечах соболью шубу, расшитую сине-красными завитками, и взяла мужа за локоть.

Вдвоем они вышли на высокое крыльцо, подступили к перилам.

– Любо князю!!! – восторженно закричал кто-то из толпы.

– Любо атаману! – тут же отозвались с другой стороны двора, и хмельные ватажники взорвались разноголосицей приветствий. Некоторые даже начали подбрасывать шапки – но не очень активно. Боялись потерять.

Елена испустила вздох облегчения – толпа была не враждебна. Хотя, известное дело, настроение в народе переменчиво. Достаточно порой слово неудачное произнести – и уже не на руках, а на копьях дальше понесут.

– Никита! Кривонос! – наклонился вперед Егор. – Не вижу тебя... Давай, выпускай Угрюма. Куда ты там его вчера запер?

Толпа зашаталась, немного отступила, освобождая возле крыльца полукруг. Громко хлопнула створка. Появившись на свет где-то посередине длинного дома, ватажник за шиворот зипуна протаскивал сотоварища вдоль стены и отпустил возле ступеней. Громко прикрикнул:

– Ну, рассказывай! С какого такого переляда вчера атамана нашего порешить пытался?! Почто мечом на него махал и колол всячески? Люди сие многие лицезрели, соврать не дадут.

Угрюм молча расстегнул зипун, кинул его под ноги, оставшись в атласной вышитой косоворотке, стащил с головы шапку, опустился на колени, широко перекрестился и негромко сказал:

– Не знаю, атаман... Бес попутал...

– Бес попутал?! – возмущенно выкрикнула Елена. – На князя руку поднял, душегубство умышлял – и это тебя бес попутал?!

– Не ведаю, что нашло, – развел руками Угрюм. – Беда почудилась...

– Почудилось? Без князя землю чуть не оставил, оттого что почудилось?! Повесить его! Немедля! Дабы...

– Тебя же там не было, – перебил жену Егор. – Чего ты так сразу?

– А что мне еще знать нужно? – резко обернулась к нему княгиня. – Он тебя убить хотел!

– Ну, перепил мужик немного. Со всяким бывает.

– Со всяким? А если ему опять почудится? – крикнула уже в толпу Елена. – Может, ему и завтра атамана вашего убить захочется, и послезавтра! Так и будете ждать, пока Угрюм воеводу вашего не зарежет?

Ее призыв упал на благодатную почву. Большая часть ватажников загудела, а те, что стояли ближе, схватились за сабли и ножи. Кое-кто положил руки неудачливому убийце на плечо, а Никита Кривонос даже вцепился в каштановые, с проседью, волосы Угрюма.

– В петлю его, на осину! – закричали самые горячие.

– Обождите! – вскинул руку Вожников, быстро сбежал по ступеням, ухватил несчастного ватажника за ворот, поднял на ноги, заглянул в глаза: – Не, мужики. Повесить его – это слишком просто будет. Есть казнь помучительнее... Как скажете, други, доверите мне над Угрюмом казнь долгую и мучительно-нестерпимую сотворить?

Толпа чуток поутихла. Одно дело – душегуба попавшегося на скорую руку вздернуть, и совсем другое – сотоварища оступившегося долго и изощренно пытать.

– Воля твоя, атаман... – оглянувшись на ватажников, пожал плечами Никита Кривонос. – Тебя он живота лишит намеревался. Однако... На кол?

– Приказываю я тем Угрюма покарать, – громогласно объявил князь Заозерский, – чтобы с сего дня целый год ни капли хмельного он больше в рот не брал!

– А-а-а!!! – восторженно завопили ватажники. – Любо атаману! Справедливо! По греху и кара! Да, да! Любо Егорию! Качать атамана!

Последнее показалось Вожникову уже совершенно лишним, и он быстро попятился к крыльцу. Угрюм, ощутив свободу, вновь упал на колени:

– Помилуй, атаман! Да за что же так-то? Цельный год?

– Все слышали слово атамана?! – заскочив на ступени, выкрикнул повеселевший Никита Кривонос. – Кто до будущей осени Угрюму хоть глоток хмельного нальет, вместо него сам на кол сядет!

– Помилуйте, братья, – повернулся уже к народу наказанный ватажник. – Нечто так можно с живыми людьми?! Да хоть иногда-то, хоть на праздник поблажка какая быть должна!

– Храбростью в сече обиду учиненную искупи, тогда прощу, – пообещал Егор.

– Так нет войны-то, княже! – развел руками Угрюм. – Как искупать?

– Коли так, послезавтра в поход выступаем! – объявил Вожников. – Заканчивай с гуляньем, други, снаряжайтесь в дорогу.

Ватажники встретили известие новыми криками восторга и наконец-то потянулись к воротам – обмывать важное известие и готовиться к походу.

– На кого хоть собираешься идти, супруг мой? – спросила Елена, когда Егор поднялся на крыльцо. – Открой тайну.

– Хоть на черта, хоть на дьявола, куда угодно, только подальше отсюда. Если они покулесят еще неделю, то разнесут нам весь город и в озеро сверху опрокинут. В походе с пьянкой будет попроще, сильно не загуляешь. А коли и гульнешь, так хоть не дома. Не нам зубы выбитые считать и заборы опрокинутые править. Какая-никакая, а польза... Хотя нет, знаю! – спохватился атаман. – Ты же мне сама про ярлык сказала... Значит, Галицкое княжество теперь мое? Вот туда и пойду.

Довольный собой, Егор тряхнул кулаками, наклонился к жене и поцеловал:

– Я ненадолго отлучусь. Предупрежу Кривобока, что месяц-другой в отъезде буду. План работы ему оставлю и задаток на расходы. Глядишь, к возвращению уже будет что в руки взять. Не грусти, я тебя больше всего на свете люблю. Ненадолго разлучимся. – И, уже сбегая по ступеням, крикнул: – Слугам передай, чтобы обоз снаряжали! Теперь у нас каждый час на счету!

Княгиня осталась на крыльце в глубокой задумчивости. Долго смотрела на ворота и стены родового двора, потом вошла в дом. Милана тут же метнулась к госпоже, приняла шубу.

– Эх он от меня сбежать обрадовался, – проворчала Елена. – Прямо сияет, ровно оклады образов на Рождество.

– Ватагу свою подальше увести желает, матушка. Дабы не беспокоила.

– Я слышала, – кивнула княгиня. – Да токмо отговорка сие али причина?

– Кажется мне, матушка, была бы его воля, так князь Егорий и вовсе бы от тебя не отходил!

– Коли так, отчего с собой не зовет?

– Так поход-то ратный! Крови сколько прольется, опасностей сколько случится! Заботится.

– Твои бы слова, да богу в уши, Милана, – вздохнула правительница. – Меня же...

Тут входная дверь распахнулась, в сени стремительным шагом, к какому он привык, ввалился Егор. Резко выдохнул, отряхивая снег с плеч.

– Ты уже вернулся, супруг мой желанный? – вопросительно приподняла брови княгиня.

– Да голова моя дырявая! – в сердцах махнул рукой Вожников. – Противник у меня есть, ярлык у меня есть, армия у меня есть. Пороха у меня нет! Куда я без него полезу?

– Богу в уши... – отчетливо прошептала довольная собой дворовая девка.
Елена улыбнулась, положила ладони мужу на грудь, подтянулась и крепко поцеловала:
– Не бойся милый. Я поеду с тобой и заменю тебе порох.

Пьяный поход

Святые Киприан и Устинья⁸, словно тоже утомленные долгим запоем храбрых воинов, в свой день пришли на помощь Егору и обрушили на землю неожиданный для октября крепкий морозец. Не запредельный, при котором деревья лопаются и птицы на лету замерзают, а просто зимний, прихвативший все водоемы льдом в ладонь толщины. Для груженных саней прочности такой дороги хватало с избытком.

На рассвете, отстояв заутреню на просторе озера Воже и выслушав наставление отца Никодима о единстве православного люда, о присущем христианам миролюбии и важности покровительства слабым и немощным, почти шеститысячная армия князя Заозерского тронулась в путь, втянулась в устье реки Вондонги и за день дошла до самых истоков, потерянных среди Коростеловских болот. Здесь заночевали, изведя на костры все камыши вокруг, но так толком и не согревшись. С рассветом двинулись дальше, уже по реке Ухтомице, и остановились на ночлег на берегу Кубенского озера. Еще один переход – и новый воинский лагерь встал уже под стенами Кубенского городка, обосновавшегося в устье реки Кубены.

Усадьба князя Дмитрия Васильевича, сына великого князя Ярославского, мало чем отличалась от родовых хором Елены на озере Воже. Земляной вал высотой с двухэтажный дом, частокол поверху, башенки по углам с площадками для лучников да тесовые крыши в глубине двора. Жалкий осколок некогда огромного и могучего удела. Было княжество Великим, а как роздал его Василий сыновьям в наследство, вышли уделы мелкие и никчемные. Что же это за княжество, коли ни одного города в нем нет, земли на полдня пути, да в дружину больше сотни ратников не набрать? С Дмитрием Васильевичем, похоже, даже купцы не считались. Только этим можно объяснить, что, сидя на самом оживленном водном пути, возле знаменитого Славянского волока, князь так и не смог ни крепости добротной для себя возвести, ни люда торгового рядом посадить. Видать, пошлину за проход никто не платил. Посылали купцы мытарей куда подальше, пользовались озером, как своим. Подкрепить же свое требование силой князь не мог. Если у купца на ладье судовой рати больше, чем у княжества дружины... Скажи спасибо, коли самого податью не обложит.

При появлении чужого воинства местные витязи храбро затворили ворота и выставили на башни еще по паре лучников. При чем сделали это столь быстро, что часть смердов, живущих во дворах у реки, не успели скрыться в крепости и попытались убежать в лес. Однако высланные Егором дозоры быстро догнали их по следам и повязали.

Привычные к походам ватажники сноровисто разбили лагерь, составив возки и сани в широкий круг, под прикрытием которого соорудили несколько полотняных навесов для лошадей и около полусотни татарских юрт для себя. Ничего более удобного для кочевой жизни никому еще придумать не удалось – русские люди знали это очень хорошо, опыт походов в степи имели немалый.

Княжеская юрта отличалась от прочих несколькими атласными клиньями на крыше, сходящимися к макушке, чтобы сразу было видно, где находится воевода, и тем, что внутреннее пространство было разделено на несколько частей парусиновыми полотнищами. Изначально задумывалось просто отделить княжескую опочивальню, сундуки с казной и прикрыть место отдыха для служанок, но получилось, что возле очага образовалась просторная горница правильной прямоугольной формы.

Угрюм приволок пленников уже после того, как дворня выгрузила припасы в княжескую юрту, спрыгнул с седла, скинул веревку с луки, толкнул мужиков на кошму у порога походного дома, прихлопнул плетью себе по сапогу:

⁸ День поминовения великомучеников Киприана и Устиньи – 15 октября.

– Вот, княже! Убечь хотели. Че с ними делать?

– А чего делать? – Егор прошелся перед понурыми смердами в старых истрепанных кафтанах. Трое были в возрасте, бородатые, с морщинистыми лицами, еще двое – совсем молодыми мальчишками. – Мы же не воевать сюда пришли. Так, по-соседски, заехали мимоходом. Чего бежали-то, селяне?

– Кто вас знает, с добром али с мечом? – ответил седобородый пленник. – Голова-то одна. Ее поперва лучше спрятать, а уж потом и смотреть.

– Кабы голова была, вы бы уже рыбу свою путникам усталым несли, пиво предлагали. Глядишь, серебра бы лишнего получили по случаю. А самые умные так уже в закуп бы попросились. В холопах, чай, не в драных кафтанах, а в зипунах нарядных ходили бы. Не в лаптях, а в сапогах яловых. У меня в дружине каждому человеку рады. И смерду обычному, и сыну боярскому. Каждого готовы в люди вывести.

Вожников прошелся перед пленниками еще раз и кивнул:

– Отпусти их, Угрюм.

Ватажник, недовольно нахмурившись, приказ выполнил, а когда смерды убежали, спросил:

– Нечто мы тебе уже не по нраву, атаман, коли холопов и детей боярских на службу зазываешь?

– А ты в бояре пойдешь, Угрюм? – ответил вопросом на вопрос Егор.

Воин крикнул, поднял ворот тулупа, потер им щеку. Подергал себя за бороду, сунул плеть за пояс, махнул было рукой – и тут же покачал головой:

– Не, княже, не пойду. За уважение, конечно, спасибо, да токмо какой из меня боярин? Я вольным днем выпить люблю да брюхом кверху повалиться, баб потискать. А невольным – так и сабелькой помахать завсегда согласен. У меня о дне завтрашнем заботы нет, и страха потому нету. Сегодня сыт, пьян, в том и счастье. Завтра коли на пику насадят – на то божья воля. Вдов-сирот не оставлю, добра за душой никакого. Оттого и жизнь беззаботна. Боярину же всякий миг за землю свою думать надо, детей кормить, смердов стеречь, да еще и службу исполнять. А коли недород? А подати? А торги? Не, не серчай, атаман, не пойду. Мое место на банке гребной, да чтобы ветер свежий, да сабля острая в руке. Грядки же копать да горшки в погребу считать – это не мое.

– Вот видишь, не твое, – кивнул Вожников. – А как правителю без бояр? Я же не могу один за всеми землями уследить, со всеми городами управиться, все дороги залатать, все десятины перемерить? Кто-то на местах сидеть должен, за порядком следить, о доходах и расходах заботиться.

– Никита Кривонос, мыслю, согласится, – опять подергал себя за бороду Угрюм. – Заматерел он ныне. К гулянке не тянется, солидность на себя напускает. В Орде к хану ходил – так смотрелся, ако князь! И речи вел с гонором, и решал все толково. Ванька Карбасов тоже деревеньку мечтал прикупить. Так отчего ему в детях боярских и не сидеть? Еще, может статься, кое-кто от вольности устал, нагулялся.

– Кто нагулялся, пусть не уходит с серебром накопленным, а мне о желании таком сказывает. Запомню и землю при первом случае от имени своего отпишу, – сказал Егор. – Пока же средь друзей своих пару сотен хороших воинов выбери да службу сторожевую устрой. Чтобы войско пиво могло без опаски на веселье переводить.

– Почему я, атаман?! – возмутился Угрюм. – Я с утра в дозоре!

– Ты что, забыл? На ближайший год ты мой единственный однозначно трезвый воин, – подмигнул ему Егор и ушел в юрту.

Увидел, как у очага хлопочут Милана и иноземная невольница, пытаюсь установить треногу, вздохнул, отогнал глупых женщин, разобрался с согнувшимися в санях опорами, нащипал топориком лучины, запалил. Взглянул на девуку:

– Ну, чего тарашисься? Иди, снега чистого нагребь, пока не затоптали!

Милана подхватила, выскочила из юрты и почти сразу вернулась с тяжелым котлом, полным воды.

– Мужики там прорубь вырубили, – пояснила она.

– Давай помогу... – Вожников подсобил ей пристроить емкость над огнем, подбросил дров.

Девка жестом подозвала «немку», сунула ей нож и показала, что нужно резать мерзлую ветчину, сама взялась за лук, засыпала его в котел вместе с гречкой...

Все делалось споро, работа-то привычная. Конечно, предыдущими вечерами путники обходились взятыми в дорогу пирогами и не тратили время на юрты, но ведь не в первый раз в дороге, каждому его обязанности известны. Не прошло и получаса, как неподалеку от очага лежала груда поленьев, чтобы на всю ночь хватило; в котле доходила ароматная каша с ветчиной, сдобренная луком, базиликом и укропом, за очагом стоял стол на резных ножках и два кресла. Слуги поставили на столешницу серебряный кувшин тонкой чеканки, два золотых кубка, две тарелки.

– Готово, княгиня! – наконец решила Милана.

По ее команде двое пареньков сняли котел и переставили на кошму. Служанка перемешала кашу в последний раз, ткнула пальцем на молодую девку:

– Озяба, как сядут, вина сразу наливай, не забудь.

– Да, матушка, – послушно склонилась перед ней недавно взятая в прислугу девушка.

Колыхнулся правый полог, к столу вышли князь и княгиня: Егор в синей ферязи с бобровой оторочкой, Елена в тяжелом бархатном платье с собольей душегрейкой и в высоком кокошнике. Сели. Озяба кинулась наливать вино, но руки ее вдруг затряслись, и Милана, решительно взяв кувшин и отодвинув неопытную девку, наполнила кубки сама.

– Федьки так и нет, – мрачно произнесла Елена.

– К вечеру прибежит, верно говорю, – пообещала Милана.

– А сейчас что? Темень за пологом какая, ночь, поди, давно.

– Прибежит... – Служанка забрала тарелки, щедрою рукою наполнила кашей, поставила на стол.

Дочь индийского ювелира, испуганно охнув, вскинула ладонь к губам.

– Чего это с ней? – поинтересовался Вожников.

– А кто ее, немку, знает? – пожала плечами Милана и склонилась в поклоне: – Кушайте на здоровье.

Остальная дворня тоже приступила к еде, но куда менее торжественно: они просто окружили котел и заработали ложками, благо у каждого имелась своя.

– Ой, хорошо! – Опустошив тарелку, князь допил вино, откинулся на спинку: – Сразу в сон потянуло. Идем, милая, перина заждалась. Милана, дежурного оставь за огнем следить. А то ночью дуба дадим.

– Слушаю, княже, – кивнула девка, обежала остальных слуг глазами, указала пальцем на самую бестолковую: – Значит, так, Немка. Надеюсь, хотя бы дрова подбрасывать у тебя ума хватит? – Она показала на дрова, на догорающие угли. – Поняла?

Та кивнула, взяла несколько поленьев, бросила в очаг.

– Ну, слава Богу, хоть какая-то польза! Тогда остальные – спать.

Вскоре Манджуша осталась одна. Она добавила в огонь еще несколько поленьев и села перед пламенем, поджав под себя ноги и открыв ладони небу. Сделала глубокий вдох и отверзла душу, что есть силы умоляя веселого Ганешу вразумить ее, как выжить в этом мире безумия, где ремесленник из касты шудр добровольно унижается до женской работы с очагом, а потом нежданно садится за один стол с властительницей людей и земель – и никто не карает его беспощадной рукой закона; где высшая каста ест мясо и прикасается к трапезе,

приготовленной, или, вернее – оскверненной руками слуг, руками шудр и неприкасаемых. В месте, где рабы смешивают карму с браминами, а брамины – со слугами, ибо употребление общей пищи с кем бы то ни было ведет к перерождению в форме низшего существа, впитавшего светлую энергию более развитых созданий. Она знала, что грехи прошлого воплощения, испорченная распутством предыдущей жизни карма привели ее в мир грязных дикарей. Но Манджуша никогда не подозревала, что бездуховность, распутство и недоразвитость могут доходить до такого беспросветного кошмара!

Лучше бы отец продал ее в проститутки ваддарам⁹! Они осквернили бы только тело, но карма очистилась бы искуплением и завершилась более счастливым воплощением. В этой же бездне порока она обречена потерять всякую надежду на будущее.

* * *

Федька появился только под утро, в изрядном подпитии, но чистый. Скорее всего потому, что среди льда и снега выпачкаться было просто негде – судя по намокшему во многих местах кафтану, ночью он где-то повалялся.

– Боя-а-рин, – оглядев его, презрительно протянула княгиня. – Ладно, коли пришел, возьми человек десять дружков своих для солидности и к Кубенскому городку сходи. Скажи страже тамошней, что князь Егорий Заозерский с супругой, в княжество Галицкое проезжая, князя Дмитрия Васильевича с супругой к обеду приглашают.

Паренек молчал, и вместо него заговорила Милана:

– Исполнит все в точности, матушка! – Девка за руку уволокла миленка из юрты.

– Что там? – спросил из-за занавеси залежавшийся в постели Егор.

– Твоя дружина пьет, атаман. Токмо рази это новость?

– Так мы хоть и в походе, Леночка, да все же не в ратном. «Боевые» я им не плачу, посему и дисциплины требовать не вправе. Мы вроде как на прогулке, получается. Иди лучше ко мне! Одному холодно.

– Да ведь только что согревала!

– Не помню такого. Холодно!

– Экий ты ненасытный! Опять из-за тебя платье снимать... – пробурчала княгиня, однако на губах ее появилась довольная улыбка.

Три перехода, во время которых путники не тратили время на установку юрт и спали на пополах, кошмах и шкурах, в санях и возках, дали супругам, оказавшимся наконец-то в нормальной постели, право на лишний отдых, и потому из-за полога они выбрались только к полудню. Дворня под присмотром Миланы уже накрывала пиршественный стол, таская лотки с запеченной рыбой и мясом, вертела с зячьими почками и крохотными рябчиками, раскладывая щедро нарезанную буженину и жирные куски жареной баранины, выставляя кубки, блюда и кувшины с вином.

Посмотрев на бестолково мельтешащую среди служанок невольницу, больше мешающую, чем приносящую пользу, Елена подозвала Милану:

– Немку в ее наряд обратно переодень. Хочу князя Кубенского диковинкой удивить. Он о таких девках, мыслю, и не слышал.

– Прости, матушка, да токмо тряпки ее на Воже остались, – виновато развела руками служанка.

– Ну, так придумай чего-нибудь! Татарскую одежду дай, али сама пусть чего выберет. Сообразит хоть, чего от нее требуют?

– Сообразит. Немая, но старательная...

⁹ Ваддары – каста бродячих землекопов.

Танец иноземки, закутанной понизу в атласную ткань, а сверху – в полупрозрачный легкий голубой сатин, с золотой серьгой в носу и большими сверкающими бусами из разноцветного бисера, ее огромные черные глаза, алые губы и длинные распущенные волосы и вправду заставили гостей восхищенно вскидывать руки и изумляться ловкости танцовщицы, что ухитрялась не путаться в ниспадающих разноцветных отрезках и при этом совершать странные, непривычные движения телом, руками и головой.

– Прямо чудо из чудес, хозяйюшка! – восхитился Дмитрий Васильевич. – Видать, далеко рати твои хаживают, коли невольницы столь диковинные в полон попались!

Прямо к Егору Вожникову он подчеркнуто не обращался, вроде бы даже и не замечал. Ни он сам, ни трое его сыновей, которых князь Кубенский привел к обеду вместо супруги, отговорившись ее отъездом. И понятно почему: атаман был в его понимании безродным выскочкой, жалким смердом – пусть и с огромной армией. Другое дело – княгиня Елена Заозерская, род которой уходил в глубину веков. Общаться с ней князь Дмитрий Кубенский не брезговал.

Гости не только посматривали на хозяина свысока, они и выглядели, как сошедшие с картинок русские витязи: расшитые цветами валенки, синие и зеленые шаровары, судя по пухлости – меховые, стеганные поддоспешники, обшитые атласом и подбитые соболями, бобровые шапки, окладистые курчавые бороды. На плечах – суконные плащи, отороченные горностаем, на поясах – мечи с отделанными самоцветами рукоятями. Рядом с ними Егор в обычном зипуне, пусть и с золотыми шнурами по швам, в серых сапогах да лисьей ушанке казался выползшим из подвала ярыгой¹⁰. Вожников не обижался. Показушное бахвальство хозяев крохотного дворика перед атаманом армии в несколько тысяч мечей его скорее забавляло.

– Ныне опять в края дальние путь держишь, хозяйюшка, али недалече дела нашлись? – продолжил свою мысль Дмитрий Васильевич и опрокинул кубок в рот.

Выглядел князь Кубенский лет на сорок и рядом с Федором, Семеном и Андреем Кубенскими смотрелся скорее братом, нежели отцом. И даже не старшим. Все-таки бороды здорово скрывали возраст, особенно если шапка глубоко надвинута на лоб. Только нос и глаза видны.

– Ныне нам с супругом моим любимым надобно дела домашние в порядок привести, покамест не до поездок. – Елена открыла стоявшую рядом на раскладной скамейке шкатулку, извлекла из нее свиток желтой рыхлой бумаги, положила рядом со своим кубком. – Сим ярлыком хан Темюр, великий хан татарской Орды и подвластных ей улусов, даровал мужу моему, князю Егорию Заозерскому, земли заволочные в вечное и безраздельное владение.

Один из сыновей Дмитрия Васильевича вскочил, схватившись за оголовье меча, другой сглотнул, не прожевав, заячью почку. Остальные гости просто вздрогнули.

– Ярлык как один выписали, так и другой написать могут! – горячо выкрикнул вскочивший княжич, расстегнул ворот поддоспешника и сбил шапку на затылок. Похоже, это был самый младший, Семен.

– Это вряд ли, – наконец вступил в разговор Вожников. – Я ныне вместо хана Темюра в Орде в правители царицу Айгиль посадил. Она сей ярлык первым делом за законный признала.

– У ханши на столе не столь прочное положение, чтобы ссориться с единственным союзником, – добавила княгиня и дала невольнице знак остановиться.

Немка замерла, а потом устремила к столу, наполнила опустевшие кубки, забрала лоток из-под рыбы и блюдо, на котором почти не осталось ветчины, с поклоном ушла.

¹⁰ Ярыга – человек, попавший за долги в рабство. Впоследствии так называли мелких слуг и нижние чины в полиции, равно как и никчемных пьяниц и бездельников.

– Тебе не о чем беспокоиться, князь, – откинулся с золотым бокалом на спинку кресла Егор. – Мы же соседи, отношения у нас хорошие, я их ценю. Посему отбирать ничего не собираюсь. Более того, хоть сейчас грамоту готов составить, что права на удел Кубенский за тобой признаю и за детьми твоими. И в знак благожелательности своей готов дать тебе отсрочку в уплате выхода сроком на три года, а также мытников своих не присылать вовсе.

– Сиречь, сказываешь, податями меня обложить хочешь? – Гость хлопнул ладонью по столу и поднялся. – Я свое княжество от отца получил и никому отродясь за вольность свою не отчитывался! Не ты меня на стол ставил, не тебе и дани требовать!

– Отец твой, Дмитрий Васильевич, у Москвы в служилых князьях ходил и воли своей не имел, – тихо напомнила княгиня. – Брат твой Иван, великий князь Ярославский, по воле Василия Московского послушно на Нижний Новгород хаживал кровь свою за прихоти чужие проливать¹¹. Муж же мой ту Москву позапрошлым летом взял и за своеволие наказал изрядно. Посему тебе, княже, крепко подумать надобно, кто надежнее будущее рода твоего подтвердит: брат твой безвольный, Василий, в Москве без ратей запертый, али муж мой, право которого ярлыком ханским и войском храбрым обеспечено.

– Сядь, княже, – посоветовал Егор. – Ныне судьба не токмо твоя, но и детей твоих, всего рода решается. Я человек не новгородский, не московский и не вожский. Я русский, и для меня вся земля русская своя, от морей Каспийского и Черного до океана Ледовитого. И люди здесь для меня все свои, лишней крови проливать не хочу. Посему желаю достоинство твое сохранить и покой в княжестве твоём. Креста мне на верность целовать не заставлю, звание твое громкое за тобой и сыновьями оставлю, за сохранность рубежей мечом своим поручусь. Ты же, князь, младшим детям боярским из своего княжества не мешай в войско мое записываться. Они ведь молоды, у них вся жизнь впереди. Им славы хочется, богатства, поместий больших и богатых. Зачем удалцам храбрым судьбу ломать? Они ведь не токмо за меня, они и за твой покой сражаться будут. А я им за то землю дам.

– Земли у меня у самого хватает, – не садясь, угрюмо сказал князь Кубенский. – Поболее, чем у тебя на Воже имеется. Да токмо что от нее проку, коли леса лишь да болота окрест? Боярам земля со смердами нужна. С пахарями, деревнями, наделами.

– А я места хорошие знаю, – широко улыбнулся Егор. – Там кормлений на всех хватит. И боярам, и князьям. У тебя, вижу, славные сыновья выросли. Трое. Коли княжество свое на три удела поделишь, что от него останется? Да и муж ты, вижу, крепкий, здоровый, у тебя еще вся жизнь впереди. Что их ждет? И когда? Я же за службу честную да за доблесть ратную так бы наградил, что богаче тебя, Дмитрий Васильевич, каждый станет!

– Никогда князья Кубенские, потомки великих князей ярославских, татю безродному под руку не встанут! – резко заявил княжич Семен, продолжая тискать оголовье меча.

– А ты ко мне под руку встань, – предложила ему Елена. – Чай, мой-то род никак твоего не захудалее, от одного колена счет ведем.

– Бабе кланяться?

– А ты матери своей скажи, что она поклону твоего недостойна, – резко сказала княгиня. – Посмеешь?

Княжич, не ожидавший столь быстрой и решительной отповеди, стушевался и ответа не нашел. Тем более что его отец неожиданно сел за стол и осушил налитый ему кубок.

– Гладко сказываешь, князь Егорий, много сулишь, – сказал Дмитрий Васильевич. – Да так ли оно на деле-то? Про участие твое в делах летних, что в Диком поле творились, я слыхивал и про набег на Москву знаю. Так ведь ты прибежал-убежал, а Василий Дмитриевич

¹¹ Несмотря на громкое название, влияние Великого княжества Ярославского в указанный период ослабло настолько, что неизвестно даже, кто правил в нем в конце XIV – начале XV века. Единственное летописное упоминание относится к 1410 году.

как на столе сидел, так и остался. Хана Темюра ты скинул – ан хан Джелал-ад-Дин от тебя ушел. Старшинство же в Орде у него, а не у царицы твоей, и союзников имеется презрительно.

– Да! – довольно кивнул за его спиной княжич Семен.

– Посему такое будет мое слово...

Скользнувшая от парусинового полога танцовщица взяла кувшин, наполнила его кубок, бесшумно исчезла. Князь Кубенский приподнял брови, улыбнулся:

– Снисходя к долгому добрососедству нашему с отцом княгини Елены, дам я слово, что на призыв выступить супротив тебя не откликнусь, кто бы в поход ни позвал. Большого не проси. Ну а коли из детей боярских кто удачи поискать пожелает, славы и кормлений, так они у меня на цепи не сидят. Пусть отъезжают, обиды держать не стану. Хорошее у тебя вино. И невольницы забавные. Теперь моя очередь тебя в гости звать. Как оказия случится, жди гонцов...

Дмитрий Васильевич решительно поднялся, коротко поклонился хозяевам и отправился к близкому городку. Его сыновья поспешили следом.

– Видишь, милая, сделали все по-твоему, – глядя им вслед, накрыл своей ладонью руку жены Егор. – Ну и что это дало? Надо было ворота тараном высадить, князя турнуть да наместника посадить. И проще, и надежнее.

– Обожди, Егорушка. Еще не вечер.

Однако вечером ничего не произошло. Равно как и на второй день, и на третий. На рассвете четвертого армия свернула лагерь и двинулась дальше, к истоку Сухоны и далее по ней. Через два перехода ватажники вышли к Вологде. Древний богатый город встретил их закрытыми воротами и...

Лотками и навесами, вынесенными к самому берегу реки. Слухи о пути и целях заозерцев, похоже, успели добраться сюда еще позавчера, а потому местные купцы, пекари, мясники и пивовары поспешили воспользоваться случаем и выставить угощение для богатых путников. На всякий случай вологодские торговцы притащили и одежду, и обувь, и оружие – мало ли кому что понадобится? Здесь оказались даже возки с печками, где воинам предлагалось согреться, выпить и расслабиться со всеми удобствами.

Вожников позволил ватаге два дня отдохнуть, после чего повел их дальше по Сухоне, по ровной ледяной дороге, уже даже не хрустывающей под весом людей и саней. По Векшеньге повернул направо, на зимник. Соль – товар ходовой и всесезонный, а поэтому к Соли-Галицкой дорога шла широкая и накатанная. Чай, не один десяток саней по ней за день прокатывался. Заблудиться было трудно даже без проводников. Один переход – и армия, обогнув по тракту обширную незамерзающую топь, вышла к брошенным на произвол судьбы обширным амбарам и бревенчатым солеварильницам: огромным, в три этажа высотой и полста шагов в длину, с закопченными окнами наверху. Видать, дым выпускали наружу прямо через них.

Пустыми были и деревеньки на пути ватажников, и постоянные дворы окрест города. Дворов стояло много – все же место торговое, оживленное, иным купцам подолгу потребный груз ждать приходилось, а жить где-то надо. Да и просто после дороги баньку принять, отдохнуть на мягкой постели.

Город, стоявший на правом берегу реки Костромы, отгородился от гостей высоким, этак сажень в пять, земляным валом, поверх которого тянулись темные и порядком обветшавшие бревенчатые стены примерно той же высоты. С башнями горожане пожадничали – их было всего пять на крепость. И это при размерах укрепления примерно пять сотен шагов в окружности. Пушечных бойниц не имелось даже возле ворот, лучников Егор тоже не заметил, а потому без опаски подъехал почти к самому поднятому мосту и крикнул:

– Что же вы так гостей встречаете, галичане?! Ни домов натопленных, ни столов накрытых?

– Незванный гость хуже татарина! – отозвались с привратной башни.

– Коли гость пришел, галичане, что есть в печи, все на стол мечи! Так у нас на Руси положено!

– На штурм пойдешь, так и угостим от души, не сомневайся!

– Ну, смотрите сами! У меня через час-другой войско-то подтянется, отдохнуть захочет. Коли хозяева дворов постоянных их накормят, напоят да приютят – во дворах остановимся, да еще и за постой заплатим. А коли не выпустите кабатчиков – в городе заночуем, попомните мое слово!

Вожников поворотил коня, поехал к обозу, что медленно сворачивался в круг на левом берегу Костромы. Выгонят горожане хозяев, не выгонят – а все едино столько возков на дворах не поместится, понадобится лагерь ратный.

Однако жители Соли-Галицкой сделали правильный выбор: с отчаянным скрипом бревенчатый помост опустился через ров, ворота отворились, из них выехало несколько высокогруженных возков.

– У кого лучший постоянный двор в округе? – тут же повернул к ним Егор.

– У меня! – ответил первый возничий, одетый, однако, бедно, в поеденном молью треухе и дырявом тулупе.

– Неправда твоя, мой самый лучший! – заорали в ответ из ворот. – У тебя баня черная и печь на кухне коптит!

– Сам ты коптишь, Никифор! – развернулся назад мужик. – О прошлом годе выбелены, ни единой сажинки нигде не проступило!

– Так ты каждый день мажешь! У тебя кадка с мелом прямо у топки стоит!

– А ну, хватит! – отмахнулся Егор. – То вас не дозовешься, то не отбиться. Ты первый, у тебя с женой и дворней и остановлюсь! Скажешь всем, что уже занято. Баню давай топи, да ужин нам организуй с медом хмельным. У вас, сказывают, самый сладкий.

– Лешка, Лешка! – невесть кому закричал мужик, крутя головой. – Не слышишь, что ли? Беги, затапливай!

Увидев, что кабатчиков не бьют, горожане осмелели, снова открыли ворота, выпустив к постоянным дворам еще с полсотни возков с припасами, спрятанными было от набега. Потом вслед за возками побежали работники и даже бабы. Потом понадобилось что-то еще – и когда к Соли-Галицкой подтянулись основные силы заозерской рати, крепость уже стояла с распахнутыми настежь воротами, а стража отставила копья и щиты к стенам, прогуливаясь возле моста налегке.

Егор от соблазна войти в город удержался. Узнал у одного из бегущих с бурдюками смердов, что князя здесь нет, и махнул рукой, даже воеводу на разговор звать не стал. Сходил только к солеварням, полюбопытствовал, как все работает. Но ничего, кроме банальных сковородок и скребков, не увидел. Разве только размеры и у того, и у другого измерялись в сажнях – целого верблюда целиком зажарить можно, а опосля, пригорелого, соскоблить.

На выходе из солеварни князя перехватил Угрюм, поклонился с седла, приложив руку к груди:

– Дозволь на сход тебя пригласить, атаман. Люди расспросить тебя желают.

– Сход? Почему не знаю? – Егор поднялся в седло своего скакуна. – Кто созывал?

– Да не понадобилось, атаман, – пристроился стремя к стремени ватажник. – Ты же спрашивал, кто из ушкуйников на землю осесть подумывает? Ну, так вышло, серебро они копят, не прогуливают. Оттого и пьют меньше, и службу лучше несут...

– Короче, именно их ты к себе в дозорные сотни и собрал, – понял его мысль князь. – И в чем трудность?

– Нет трудности, атаман. И ясности тоже. Хотят про землю понять, о чем ты сказывал...

Ватажники, что намеревались оставить его дружину, были, понятное дело, уже в возрасте, почти все четвертый десяток разменивали. Плечистые бородачи в стеганых и войлочных поддоспешниках, некоторые даже в кольчугах. Хорошие шаровары, добротные сапоги, дорогие шапки. Каков характер, такова и одежда. Люди думали о будущем, строили планы, копили деньги – и выглядели, знамо, солиднее, нежели гуляки, живущие одним днем. Собрались «куркули» возле составленного в круг обоза, будучи одновременно и его охраной, и обитателями.

– Тут нам Угрюм сказывал, княже, – не стал тянуть воин в наброшенном поверх кольчуги тулупе, рыжебородый, с бритой наголо макушкой, прикрытой войлочной тюбетейкой, – что намерен ты желающим землю нарезать. Мысль сия нам доброй кажется, однако же обществу интересно, где сие задумано? Не первый день гадаем, но разрешить эту загадку не получается. От сего и беспокойство.

– Понятно, други, – спешился Вожников. То, что остепенившиеся разбойники звали его князем, было многообещающе. Однако, к стыду своему, никого из возможных бояр по имени Егор не знал. Прошли те времена, когда под его рукой две сотни бойцов ходило. В шеститысячной армии каждого в лицо не упомнишь. – Вы со мною не один раз в походах были и хорошо знаете, как они обычно случаются. Налетели на чужой удел, объяснили, кто под солнцем самый главный, собрали свою дань и уплыли. В местах покоренных не задерживаемся. Кто в них правит, кто людьми повелевает и законы устанавливает, то от нас не зависит. А сие неправильно. Земля, на которую нога русская ступила, должна и впредь навеки нашей оставаться. Посему полагаю я отныне укрепляться там, где смог доказать свою силу. Укрепляться же можно только одним способом: своих людей на месте оставлять. Знаю, далеко не все там будут вам рады. Но ведь и вы все далеко не овечки. Постоять за себя сможете. Наделы же, что вы получите от меня, будут куда как больше тех, что вы за скопленное серебро купить сможете, за то ручаюсь твердо. И на жизнь хватит, и на слуг, и холопов собственных набрать.

– За такие наделы, княже, ты службу потребуешь, – задумчиво сказал рыжебородый.

– Насильно мил не будешь, – пожал плечами Егор. – Коли кто желает остаток жизни на печи лежать, тому, знамо дело, лучше всего где-нибудь в Заволочье избушку прикупить али двор постоялый да и коротать деньки в покое и сытости. Однако же, если у кого на примете девица имеется и в плане детишек завести, то о них подумайте. Ваша служба для них званием боярским обернется да наследством богатым. Кем вы внуков своих и правнуков видеть хотите – смердами простыми или боярами родовитыми? Любой знатный род именно с этого, с надела первого, начинается.

– Сказывал же, не так просто сие обернется! – произнес кто-то слева.

– А ты хотел и на елку влезть, и штаны не ободрать? – тут же ответили ему, по толпе мужчин прокатился смехок.

– Воевали вы храбро, право свое на отдых заслужили, посему неволить никого не буду, и обиды держать не стану. Желает кто забыть про жизнь буйную и веселую, так тому и быть. А коли кто готов ради детей еще мечом послужить да избранницу свою поместьем обширным поразить, буду рад тех и впредь сотоварищами называть и в рядах дружины своей видеть.

Егор прижал ладонь к груди, взял коня под уздцы и пошел к постоялому двору. Говорить больше было нечего, оставалось только ждать выбора этих заматеревших в набегах воинов.

Ватага кутила возле Соли-Галицкой три дня, оставив ее после себя целой и невредимой, порядком обогатившейся и хорошо знающей, кто является хозяином их земель, княжества Галицкого и всего Заволочья согласно ханскому ярлыку. Причем новый правитель обрел среди местных жителей немало искренних сторонников.

Один день дальше по Костроме, еще переход вверх по Вексе, и заозерское войско вышло на лед обширного Галицкого озера, на высоком берегу которого и раскинулась столица здешних земель.

Как и достойно высокому званию, Галич издали ослеплял путников множеством золотых куполов и белоснежных звонниц, поражал размерами, манил стоящими вдоль берегов баньками, причалами, дымами из сотен труб, словно говоря: «Идите сюда, здесь тепло, свежо и сытно». При всем своем броском богатстве, стены город имел деревянные – однако с башнями через каждые полста шагов и тремя воротами только со стороны озера, причем в привратных башнях через бойницы наружу грозно выглядывали черные зевы бронзовых тюфяков.

Слухи явственно обгоняли гуляющую по зимним дорогам армию – в этот раз из окрестных деревень никто не убегал, добро и припасы не прятал, а постоянные дворы не то что не были брошены, их хозяева вроде даже наняли дополнительных слуг и прикупили вина и припасов. Однако Егор велел поставить напротив центральных ворот свою юрту. Он хотел не гостевать, а иметь здесь свой дом. Место, где он был безусловным хозяином.

Поутру к воротам Галича отправился Федька, на этот раз в сопровождении полусотни хорошо одетых ратников из дисциплинированных сотен Угрюма. Вернулся боярин через час, вошел в юрту, виновато развел руками:

– Прости, княже, но Юрий Дмитриевич не желает принимать твое приглашение. Он рассказывает, что он в здешних землях хозяин, и потому это тебя с супругой у себя принять желает, в своих хоромах и за своим столом.

– Желает или приглашает? – строго переспросила Елена. Она за занавесью примеряла новое платье, богато отороченное мехами. Самое подходящее для прогулок по холодным зимним палатам. Они, известное дело, только у печей теплые. А за дверь выйдешь – иной раз и стены с инеем.

– Приглашает, – после некоторого колебания ответил Федька.

– Уверен?! – Княгиня откинула полотнище, вышла на свет. – Коли приглашает, то можно и согласиться. Коли желает, то сие уже оскорбление, нам его желанию подчиняться позор, за такие слова впору пушки к воротам выкатывать.

– Приглашает! Точно приглашает. А что ждет, так это он завтра к обеду звал.

– Ждет, приглашает или желает?! – возмутилась Елена. – Ты насмешки чинить удумал?

– Князь Галицкий Юрий рассказывал, что как хозяин города и окрестных земель он приглашает гостью свою княгиню Елену Заозерскую с супругом к себе на пир завтра перед полуднем! – выпалил юный боярин.

– Так бы сразу. Коли так, хватит времени, чтобы нашить самоцветы. Ступай. Будь готов завтра с утра составить нам свиту.

Новое платье удалось на славу: бирюзовое персидское сукно тонкой выделки, ленты соболиного меха над плечами, пышные рукава, усыпанный рубинами, сапфирами и жемчугом матерчатый клин, углом сходящийся через высокую грудь к животу, широкий янтарный пояс, от которого расходилась складками длинная юбка с атласными вставками. В накинутах поверх этой роскоши, подбитом песцами плаще Елена была диво как хороша.

В открытые городские ворота они въехали на конях, однако перед воротами детинца спешили и вошли на тесный двор. Впрочем, и хозяева встретили их с уважением, спустившись навстречу до нижних ступеней крыльца. Княгиня Анастасия с легким поклоном подала Егору большой серебряный ковш:

– Рады видеть вас, гости дорогие. Вот, испейте сбитня с дороги. Лучше нет удовольствия, чем горячее на морозе пить.

Вожников, уже ученый правилам и традициям, принял угощение двумя руками, выпил до дна. Перевернул, показывая, что не осталось ни капли.

– Благодарствую за угощение, хозяйюшка. – Егор с поклоном вернул ковш.

– Разве это угощение? – улыбнулась княгиня. – Настоящее угощение в верхнем тереме нас ждет. К столу идите, гости дорогие, а то уж заждались.

Обширный стол с самыми изысканными яствами был накрыт и вправду в тереме – в просторных светлых палатах над воротами, частые бойницы которых ныне закрывались стеклянными витражами в свинцовых рамах. Высший шик, доказывающий богатство хозяина, и одновременно – хитрая экономия. Витраж можно набрать из любых осколков, а стекло в этом мире дорого. Каждый кусочек на счету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.